

«МЕРТВЫЙ ХВАТАЕТ ЖИВОГО».

(Le mort saisit le vif.)

Социалисты - революционеры, стараясь убедить нас в спасительности политических убийств для предохранения демонстрантов от розог и нагаек, ссылались на времена «Народной Воли». В те времена, говорится, напр., в программной статье № 7 «Рев. Росс.», «правительство не осмеливалось на такую наглость, как порка десятками своих политических противников». Оно «втайне боялось и уважало их». Ничего убедительного, положим, в этой исторической ссылке не было. Ведь во времена «Народной Воли» не было и тени каких-нибудь открытых проявлений народного недовольства, связанных с политикой. Даже начинавшие входить в обычай демонстрации на похоронах совершенно прекратились во времена террора. При народных же «беспорядках» в городах или деревнях, при всяких проявлениях недовольства со стороны толпы, не принадлежащей к «насекомым» (как называл Герцен наше привилегированное сословие), национальная розга гуляла на просторе во времена «Народной Воли», как и все другие.

Теперь политика проникает даже в деревню, а в городах нельзя представить себе «беспорядков», совсем не связанных с политикой. Здесь народное недовольство слишком срослось с политикой, и в этом именно заключается величайшее приобретение современного движения и залог несомненной победы. Положение не то, что иное, а прямо противоположное тому, что было во времена «Нар. Воли». Но если ссылка на эти времена по поводу демонстраций и не была убедительной, она, по крайней мере, не находилась в прямом противоречии с истиной. Во времена «Нар. Воли» политических заключенных били кулаками, топтали ногами, изредка колотили прикладами, но ни розгами ни нагайками действительно не били. Теперь при проповеди террора место демонстраций заняли у соц.-рев. столкновения в тюрьмах, в особенности же самое крупное из них одесское. Подробности этого жестокого дела известны нашим читателям.

Уже в № 11 «Рев. Росс.», по его поводу, говорилось о необходимости «карающей руки». Теперь перед нами приуроченное к этой же истории воззвание «Партии Соц.-Рев.», озаглавленное: «Что делать?» и отвечающее, разумеется, на этот вопрос призывом к террору*. В этом

воззвании опять имеется ссылка на времена «Нар. Воли», на этот раз находящаяся в диаметральной противоположности с истиной.

В те времена, говорит прокламация, правительство «никогда, в минуты самых яростных разгромов и ужасающей реакции, не решалось оскорблять достоинство своих противников. Отправляя в ссылку, на каторгу и виселицу, оно все же вынуждено было держать себя так, как держат с противником, которого хотят уничтожить, но которого боятся. Правительство знало, что за малейшее оскорбление чести революционеров оно ответит жестоко перед их товарищами. И это сознание перед действующей партией сдерживало разнузданность властей. Теперь этой разнузданности дан широкий простор. И если мы хотим охранить наших товарищей от насилия и оскорбления и поддержать честь и достоинство революционной партии, мы должны... заняться террором. «Пусть эти палачи, отдающие приказы об избиении, выполняют приказы верховной власти. Но пусть они знают, что за каждое выполнение над революционерами их ждет смерть. И пусть они тогда выбирают».

Итак, во времена «Нар. Воли» правительство не решалось на насилия над заключенными. Оно не позволяло себе оскорблений по их адресу, и из этого следует, что посредством политических убийств можно предохранить наших товарищей от повторения насилий того рода, какие произошли в Одессе. Что это? Умышленное ли игнорирование во славу террора ужасающего мартиролога заключенных революционеров во времена «Н. В.», или незнание «писания» той самой религии, которая так усиленно проповедуется?

В этом «писании» засвидетельствовано, что с того момента, как террор начинает систематизироваться, он вызывает со стороны правительства все новые и новые жестокости в тюрьмах, сопровождаемые систематическим третированием, умышленными оскорблениями заключенных. Это не мы говорим, об этом вопиет вся народолюбивая литература того времени. В «Вестн. Нар. Воли», напр., в статье «Надгробное слово Александру II», по-

жет «не клеймить» попытку возвести самоубийство в систему.

Это не более, как попытка возвести на «Искру» ложное обвинение. Она советovala оказывать сопротивление наказанию розгами, с которыми в России связан специфический, условно унижительный смысл. Сопротивление может, несомненно, отнять у него этот смысл, превращая «наказание» в простое избиение, которое является большим злодейством, все же ничего унижительного для потерпевшего в себе не заключает. Но «Искра» никогда не советovala оказывать сопротивление во всех случаях тюремной жизни, хотя бы при переводе в другую тюрьму или даже при перемещении в карцер. Если в таких случаях сопротивление и может иногда быть уместно, то возводить его в правило было бы безумием.

* Кстати, в том же воззвании говорится, что «Искра» «рекомендует... сопротивление самими заключенными всеми способами палачам и насильникам», что это сопротивление влечет за собою дикие насилия, приводящие к самоубийствам, — доказательством чему служат ужасы, разгравшиеся в Одесской тюрьме, и поэтому партия не мо-

дробно рассказано, как за каждое, буквально за каждое политическое убийство или покушение накладывались все новые, жестокие наказания на заключенных в Новобелгородской центральной тюрьме. По этим жестокостям они узнавали, что на воле что-то сделано. Вместе с тем и обращение с заключенными становилось все более наглым и оскорбительным, а малейший протест вызывал дикое насилие.

Заключенные в централках не были террористами, но и несомненным народовольцам в Алексеевском равелине¹ свой «страх и уважение» правительство выражало еще энергичнее. Там систематическая грубость и цинизм по отношению к заключенным превосходили все пределы, а содержали их так, что из 14, привезенных туда по процессу А. Михайлова, в первый же год умерло шестеро, а все остальные были в цынге, истощены, совсем больны, чего начальство упорно «не замечало», а доктор, тыча в их распухшие ноги, говорил: «Это еще пустяки». В Шлиссельбург² их привезли потом, по выражению Волкенштейн, «полусгнившими».

В наиболее дикой и зверской форме разыгралось правительственное бешенство в 1882 г. на Каре³, при чем и тут также главное заключалось в «канальском третиговании» заключенных, «в преднамеренных оскорблениях, в зверском и бесчеловечном обращении с больными». Во время этой оргии, — всюду, кроме Кары, где не было одиночек, — заключенные болели и умирали без всякого ухода, в полном одиночестве, запертые на замок в тех же камерах, в которых жили. Такого систематического оскорбления, третигования и вымаривания заключенных, как во времена «Нар. Воли», ни раньше, ни позже не практиковалось.

Мы никогда не приводили этого обстоятельства в качестве аргумента против террора; не приводили потому, что, по нашему убеждению, революционная соц.-демократия не может и не должна руководствоваться предполагаемыми чувствами правительства. Она не должна добиваться ни его уважения, ни снисходительности, ни бешенства, не должна позволить ему ни мягкостью, ни жесткостью влиять на свою тактику ни на ту, ни на другую сторону. Но когда уверяют, что «если мы хотим охранить наших товарищей от насилий и оскорблений», то мы можем это сделать посредством политических убийств, и при этом ссылаются на ту самую историю, которая доказывает как раз обратное, мы не имеем права промолчать. Возможность помочь заключенным товарищам так привлекательна, что для всех тех, кто на-слово поверил бы социал.-революц., эта возможность была бы лучшим аргументом в пользу террора. Но на самом деле и было и не могло не быть как раз обратное. Личный страх, личное бешенство, вызываемое покушениями, могут еще внушить стремление задабривать (чтобы потом надуть) предполагаемых — полустителей - либералов, но уж никак не прямых врагов — революционеров.

«И пусть они тогда выбирают», — говорит «Партия Соц.-Рев.».

В такие времена, когда сверху идут экстраординарно жестокие приказы, «выбор» или, вернее, «подбор» действительно происходит. Робкие люди выходят в отставку, или их смещают. То же случается и с людьми, сравнительно порядочными, как Кононович, отказавшийся играть роль палача при казни карийцев за покушения, происхо-

дящие в Петербурге. Их места занимают проходимцы, способные на некоторый риск, вознаграждаемый большими выгодами.

* * *

«Р: Росс.» желала бы, чтобы мы судили о взглядах «Парт. С.-Рев.» только по ее программным статьям. Такая статья о терроре (в № 7) написана очень осторожно, старается не бить посуды, все оставить на месте и только прибавить отделенную от этого всего... «боевую организацию», занимающуюся «казнями». Но у террора своя логика, заставляющая соц.-рев., говоря о нем, постоянно противоречить своей «программе» и выяснить постепенно самую суть их разногласий с нами по этому вопросу.

Среди этих противоречащих «программе» статей и заявлений в высшей степени характерными являются упомянутая уже нами прокламация и передовая статья в № 12 «Рев. Росс.». Эта прокламация начинается с описания одесского побоища и перечисления ряда других полицейских безобразий и затем об'являет, что во всем этом виноваты именно мы тем, что «в течение 15 лет мы старались убить в себе дух прежнего революционера. Мы вытравили в себе и других всякий протест и своим послушанием дошли до какого-то непротивления злу... Мы никогда не давали отпора... Мы только бумажными жалобами отвечали на все мерзости и гнусности полиции и жандармерии... Мы перестали быть в их глазах революционерами, которые с оружием в руках готовы раньше всего защищать свое достоинство и честь, и нас перестали бояться».

Та же картина нашего ужасающего нравственного падения, от которого нас может спасти только террор, рисуется и в передовой статье № 12 «Рев. Росс.». Не отвечая единичными политическими убийствами на тюремные безобразия, мы развиваем в себе «рабью психологию», подвергаем партию опасности «полной деморализации».

В таком виде представляется соц.-революционерам современное движение, если исключить из картины несколько выстрелов.

А мы убеждены, что только за последние десять лет в России и началось настоящее революционное движение.

В глазах соц.-рев. революционно только действие оружием и, пока сражения на улицах еще не начались, — только террористические факты, а мы именно потому-то и против террора, что он не революционен, что его породила и вспоила в конце 70-х годов не сила, а бесилие революционеров сделать хоть что-либо для приближения революции. Террористы были, конечно, революционерами, но жили в ту неревolutionную эпоху, когда выработавшийся в революционера студент постепенно убедился в невозможности для него выйти за пределы все того же студенчества и соединиться с народом. Вся его вера, все надежды приурочивались к крестьянству, а в результате многолетних страстных усилий оказался только один заметный и осязательный успех: Чигиринское дело, самым своим характером говорившее все о той же невозможности влиять на крестьян. Революционерам, оставшимся до мозга костей революционерами и убедившимися, что упорствовать в стремлении сделать хоть что-нибудь для приближения народной революции значит «биться,

как рыба об лед», собственно говоря, ничего и не оставалось, как сосредоточить все свои помыслы на себе самих, на мести за товарищей, на том, как подороже продать свою жизнь при арестах.

Революционер это человек, готовый раньше всего с оружием в руках защищать свое достоинство и свою честь, говорит «Партия Соц.-Рев.»; он должен убедить правительство, что в его лице оно имеет дело не с поданным... Он должен стараться о том, чтобы правительство его боялось...

«Раньше всего» и на первом плане все это может стоять у революционера лишь в такое время, когда нет растущего и развивающегося движения, и вся революция «сводится на борьбу между полицией и конспираторами», как говорит Андрей Кожухов в романе Степняка.

Когда поле движения непрерывно расширяется, когда работы, направленной на это расширение, больше, чем возможно переделать, революционер «раньше всего» постоянный работник движения, он его должностное лицо, отдающее работе все свои силы. В качестве революционера (а не частного лица) его «достоинство» всецело сливается с достоинствами его работы, а революционная честь в том, чтобы сделать как можно больше. Ему нет никакого дела до чувств к нему правительства. Уже более ста лет, как это правительство постоянно боится революционера, даже тогда, когда его почти нет, и выражает избыток страха в усилении жандармерии и избытке всяких жестокостей. Это у него хроническая болезнь с неизменным лечением. Этот страх нам ни в чем не поможет — нужен иной, действительно спасительный.

Для революционера дело совсем не в том, чтобы убедить правительство в своем персональном неподданстве ему, а в том, чтобы непрерывно уменьшать количество его подданных, но уж никак не единичными убийствами, которыми, даже забросивши всякую другую деятельность, можно истребить лишь десятки, а разливом революционной мысли и революционного настроения в тысячах, пока они не превратятся в миллионы.

Вера молодежи 60-х и 70-х годов в близкую возможность крестьянского восстания основывалась на незнании: чтобы сохраняться, ей нужно было оставаться слепой: от близкого соприкосновения с действительностью она исчезала. Только теперь, когда в России началось действительное брожение, распространяющееся во все стороны, возникло впервые и серьезное убеждение в возможности революции, в ее неизбежности. И это убеждение, выйдя далеко за пределы учащейся молодежи, распространяется все шире и шире, питаясь именно впечатлениями действительности. Оно побеждает скептиков, захватывает даже трезвенных либералов (с прибавлением, конечно: «если раньше не будет дано конституции») и когда проникнет в среду правительственных слуг, оно вызовет, наконец, тот спасительный страх, который ослабляет удары. Широкое распространение убеждения в близости революции — это уже само по себе половина победы.

Что террор тесно связан с отчаянием революционеров в возможности работать для приближения революции, это как будто чувствуют сами писатели «Партии Соц.-Рев.». Только этим можно объяснить их судорожные (быть-может, бессознательные) усилия создать атмосферу отчаяния также и вокруг теперешнего бодрого и полного веры

в себя движения. Позор, позор, позор! кричали они про демонстрации. Партия обесчещена, унижена, оплевана, и как там еще! Даже красное знамя, и то опозорено тем, что его отнимает полиция, которая, на их страницах, все хохочет да хохочет, — уж такая смешливая! Аналогичное употребление делают они теперь и из тюремных историй. Что наша полиция вещь, в высшей степени дикая и зверская, а тюрьма очень неприятна — это что и говорить! Что голодовки в высшей степени вредны для здоровья — это более, чем верно, и революционерам следует серьезно подумать об этом слишком распространившемся способе тюремного протеста, подрывающего силы, которые следует беречь для работы. Но для соц.-рев. из тюремных историй и голодовок вытекает такой вопрос: «Да стоит ли отдаваться живыми в руки, если в тюрьме, быть-может, ждет медленная смерть?.. Зачем бессильно умирать медленную смертью в руках торжествующего врага, зачем замучивать себя самого в порыве отчаянного протеста? Коли смерть, так уж лучше смерть с оружием в руках, смерть, которая обходится недешево и врагу!» («Рев. Росс.» № 12).

На такой отчаянный вопрос простым ответом служит переполнение тюрем, которое теперь происходит. Ведь не то что записного революционера — трудно найти теперь просто порядочного человека, который не посидел бы разок — другой в тюрьме. Слишком вульгаризировалось теперь политическое гонение, чтобы вселять такой ужас, в особенности же «сильным и мужественным натурам», у которых, по уверению «Рев. Росс.», возникает вышеприведенный роковой вопрос. Слишком много теперь для таких натур конкретной работы, дающей осязательные результаты, чтобы они могли предпочитать немедленное удаление в иной мир — жизни в этом, хотя бы и с перспективой тюремных историй и даже побоев за сопротивление. Чтобы такой вопрос пришел в голову «сильному и мужественному» революционеру, надо, чтобы его охватила, через то или другое посредство, нравственная атмосфера былых, безнадежных, к счастью навеки миновавших, времен, когда революционеру ничего не оставалось, кроме такой смерти, «которая обходится недешево и врагу», — надо, чтобы его «живого схватил мертвец».

[В. Засулич]

ШУЛЕРА СЛАВЯНОФИЛЬСТВА⁴.

Если у вас, читатель, недурное обоняние, вы должны были обнаружить в нашей атмосфере присутствие подозрительных токов «всеславянской» политики...

Снова, о российский обыватель, делается попытка открыть предохранительный клапан официального славянофильства, чтобы дать выход избытку твоих гражданских чувств. Снова, как двадцать пять лет тому назад, газетные подрядчики патриотизма извлекают из своих архивов временно сданные туда, на предмет востребования, идеи всеславянского братства и с шумом и звоном пускают их в оборот...

Недавно Болгария была местом «шипкинских» юбилейных празднеств. Редакциям бесцензурных изданий был разослан циркуляр, который предлагал представителям русской печати, как вообще русским подданным, которые будут присутствовать на означенных торже-

ствах, — «воздержаться от произнесения речей или то-стов», в виду того, что эти права предоставлены лишь е. и. в. вел. кн. Николаю Николаевичу и ген.-адъютанту гр. Игнатьеву... Тому самому Игнатьеву, который, по наглому уверению «Нов. Вр.»⁵, выступал в Болгарии исключительно как частное лицо.

Граф Игнатьев держал себя на юбилейных празднествах с дипломатическим искусством агента-provokatora, который каждую минуту готов предать того, кого ему удалось завлечь своими речами. В настоящее время «С.-Петерб. Вед.»⁶ — газета, у которой много хороших намерений, но обидно мало политического смысла — говорят: «Странно до некоторой степени слышать мнения о том, будто бы шипкинские торжества толкнули Македонию на путь восстания»... (курсив наш). Странно — только до некоторой степени? Значит, «до некоторой степени» все-таки — понятно? Того же мнения и мы. Правда, граф - provokator выразил ту мысль, что для освобождения Македонии еще не наступил благоприятный «психологический момент», — но тут же он указал, что «Россия — духовный и вещественный щит для славянства. В ней живут еще великие идеалы. Она способна еще на новый „крестовый“ поход, каким была война 77 — 78 годов». Оратор - монополист, под лицемерно - двусмысленными словами которого, по уверению «Нов. Вр.», «подпишется всякий русский человек» (тот самый русский человек, которому циркуляром за № 7.784 предложено «воздержаться» от речей), гр. Игнатьев, сыграв свою provokacionную роль, выразил затем в особой телеграмме «сожаление» по поводу «напрасных жертв македонского восстания»: очевидно, нетерпеливые болгары опередили «психологический момент».

Как же держат себя в этом случае наши газетные балканских дел мастера?

ИЗ ЗАПИСОК ПРОПАГАНДИСТА.

I. Борьба.

Я пытаюсь наметить тип рабочего «книжника», «идеалиста». У меня было несколько друзей в этом роде. Двое из них, насколько я знаю, находятся именно в том положении, которое я описываю. Ужасное положение, хуже всякой «Якутки». Хорошо, если они сохраняют возможность писать или получать время от времени по несколько рублей от «Красного Креста». Нередко, к сожалению, эти люди теряют все связи.

Автор.

«И один в поле воин».

С далекого неба на сонную землю снова спустилась ласковая короткая весенняя ночь, накинувшая легкое прозрачное покрывало и на широко раскинувшийся луг и на всплывающую сквозь сон речку, и на холмы, убегающие вплоть до самого горизонта и кое-где чернеющие таинственно затихшими перелесками. Последняя, почти потухшая заря медленно подвигалась к северу. Чуткий воздух жадно подхватывал каждый звук: и торопливый посвист перепела и настойчивый самоуверенный крик коростеля. С реки благоговейно тянулись к небу белые

Мы оставляем в стороне всеславянскую болтовню «Спб. Вед.», в виду абсолютной невменяемости консервативно-либеральной газеты князя Ухтомского. «Бирж. Вед.»⁷, которые в смысле «отзывчивости» и «впечатлительности» стараются соперничать с «Н. В.», в несколько дней заметно изменили тон своих статей о балканских делах. Только вчера они резко отзывались о македонском восстании, как о несвоевременной и безумной авантюре. Сегодня они говорят уже такие речи: «Менее, чем где-либо, у нас допускают мысль о каких-либо агрессивных планах против Турции, но нет также страны в Европе, где вопли и стоны македонских христиан отзывались более мучительным эхо, чем в России. Политика, упорно не желавшая считаться с естественным сочувствием России к ее единоверцам, всегда оказывалась губительной для империи османов».

«Не подлежит, конечно, сомнению, — иезуитствует на ту же тему «Нов. Вр.», — что каждый сознательный русский искренно желает мира... Но кто же может не знать, что шипкинские памятники освежают и укрепляют в нас ничем непоколебимую решимость остаться навсегда верным заветам, в них содержимым, поддерживать и продолжать дело, за которое страдали и гибли чествуемые нами».

Не похоже ли, читатель, на то, что разбитной газетной братии заказано сверху изготовить «психологический момент»? Но чему послужит этот «момент»? Делу македонского освобождения? Или эксплуатации «славянских» чувств в целях укрепления позиций самодержавной бюрократии? Вопрос, у которого может быть только одно решение.

Поэтому, какое бы сочувствие ни возбудило в нас македонское восстание, мы не можем не отнестись отрицательно ко всякому движению в пользу его активной

прозрачные тени; они нагибались к берегу, наплывали на луг и медленно таяли в воздухе.

Стреноженные лошади, пофыркивая, щипали белеющую от росы траву. Приехавшие в ночное ребята уже спали вокруг дымившегося костра. Не спал только высланный из Петербурга ткач Василий да дежуривший эту ночь молодой, здоровый мужик Степан, который обходил лошадей и высокая фигура которого мелькала в прибрежном тумане.

Василий пристально смотрел на угли догоравшего костра, и бледное, худое лицо его казалось еще бледнее в полусвете северной ночи. Он был еще молод: редкая короткая бороденка слабо оттеняла продолговатое лицо его, но выражение серьезных, впавших глаз и очертание бескровных крепко сжатых губ ясно говорили о том, что ему пришлось пережить уже много тяжелых дней, что жизнь не баюкала его, как мать, колыбельною песнью и не заглядывала любовно в душу его, а как злая мачеха толкала его, рвала и метала его в разные стороны. Что-то скорбное, придавленное и бесконечно усталое отражалось на этом лице, которое на первый взгляд казалось таким ординарным...

Он уже несколько месяцев жил в семье своего дальнего родственника, которая косилась на его полугородской костюм, враждебно следила за каждым его шагом, считая завистливо каждый кусок, достававшийся на его долю. От хозяйства отца давно не осталось ни кола

поддержки со стороны русского общества, лишенного тех органов, через которые оно могло бы провести свою коллективную волю. Всякое национальное движение, как только оно перестает быть платоническим, неминуемо проходит у нас через грязные руки царского правительства, которое с собственным народом обращается, как с презренной райей. Нельзя ни на минуту забывать, что «турецкие порядки в России в течение всего XIX в. были лучшей опорой турецкого господства в Константинополе» (Драгоманов, «Турки внутренние и внешние»).

Турки пытаются македонских болгар в казематах, истязают их в домах, насилюют их жен, их дочерей, их сестер, избивают их детей, грабят их имущество... «Долго ли это может продолжаться?» — негодуя спрашивают «Спб. Вед.».

Но почему же вы молчите, господа, когда ваши домашние курды выполняют ту же турецкую программу на вашей несчастной родине? Разве наши тюрьмы лучше турецких? Разве там не истязают государственных заключенных, — нравственно, а в последнее время и физически? Разве наши солдаты-усмирители не насильствовали жен и дочерей полтавских крестьян? Разве они не грабили их имущества? Почему же не призываете вы к «крестовому» походу против бусурман царизма?

Граф Игнатъев имел нахальство сказать чествовавшим его представителям официальной Болгарии: «Устройте ваши внутренние дела, — и симпатии России будут с вами». Эти изумительно наглые слова были сказаны, читатель, в 1902 г. В том самом 1902 г., когда русское правительство, устроив «внутренние дела», вешало своих граждан, выражавших ему недоверие при помощи пистолетных выстрелов, сражалось на улицах с рабочими, заполняло тюрьмы и Сибирь своими студентами и пороло своих мужиков.

ни двора, а землю на полторы души уже лет пятнадцать держал «за подати» этот самый родственник, который круглый год перебивался с хлеба на квас. Опасаясь за «полторы души», которые он давно уже привык считать своими, он только и думал о том, как бы ему избавиться от неожиданно навязанного ему «барчука». Василий никогда раньше в деревне не жил и не умел даже рук приложить к деревенской работе. Отношение хозяина сделалось прямо злобным, когда он понял, что слабосильный, слабогрудый «барчук» является решительно ненужным в его хозяйстве. Василий живо чувствовал всю унижительность своего положения, а мелкие придирки и насмешки, самое название «барчук» часто выводили его из себя. Весь строй его жизни резко изменился, и он до сих пор не мог привыкнуть к тому, что в кармане его никогда не было ни копейки своих денег: пришлось отказаться даже от махорки, приходилось приходить к лаптям. Но хуже всего было то, что он не видел кругом себя ни одного человека, с которым он мог бы перекинуться душевным словом; он чувствовал себя глубоко одиноким и затерянным в глухой деревушке, к которой был приписан его отец. Все это делало его жизнь в деревне совершенно невыносимой, и он часто с тоскою и сожалением вспоминал о том времени, когда он изо дня в день должен был задыхаться на пыльной фабрике и на петербургской квартире, битком набитой фабричными.

И это самое правительство парадит в тоге освободителя. А «руководящие» русские газеты создают благоприятный «психологический момент» этим политическим шулерам, спекулирующим во внутренней политике на македонскую кровь.

Те из восставших болгар, которым нужна свобода, а не замена турецкого ятагана всероссийской нагайкой, поймут наше отношение к их делу, как и мы вполне понимаем слова генерала Цончева: «Восстание будет потоплено в крови... Но встанет новый мститель, и освобожденный македонец сможет сказать, что он обошелся без помощи, которая часто стоит так дорого»...

Вот почему друзья свободы должны употребить все усилия, чтобы славянофильское шарлатанство правящей клики и ее газетных молодцов было оставлено революционными и оппозиционными силами нашего общества «без последствий».

[Н. Троцкий]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В ТЮРЕМНЫХ ЗАСТЕНКАХ.

Из разных мест приходят новые и новые вести о возмутительных насилиях, которым подвергаются политические заключенные. Нет никакой возможности помещать в газете все описания диких беззаконий царских холопов. Мы ограничиваемся поэтому для этого номера двумя сообщениями — из Александровска, Екатерин. губ., и из Гродны.

Бешенство, проявляемое нашими врагами по отношению к пленным, не может, само собою разумеется, слу-

У костра снова выросла фигура Степана с рваным армяком на плечах и с смятым картузом на затылке. Он поправил костер, подложил несколько хворостин в огонь, взял заскорузлыми пальцами уголек и закурил «цыгарку», осветив на минуту сильно загорелое и изрытое оспой лицо. Он еще раз оглянулся на широкий луг, который под туманной дымкой раздвинулся, казалось, чуть не до самого горизонта, и глубоко вздохнул: «Эх, простору-то, простору-то сколько! Благодать!».

— Ты чего, барчук, не спишь? — обратился он к Василию. — Чего тебя нынче урядник опять облаял? а? — прибавил он, расстелив армяк и растягиваясь на нем во всю длину.

Василий зашевелился.

— «Урядник-то? Сволочи! — медленно, словно через силу, проговорил он: — за письмо; письмо, вишь, начальству не понравилось...»

«Братишка у меня в Питере остался. Мальцу девяти лет пошел. Малый с мозгом: все как есть понимает...»

«Мать - то, как помирала, на меня оставила, — как сейчас помню, — господом богом молила... Ему тогда третий год шел. Отец, коли помнишь, всегда выпивал, а тогда начал горькую пить... Мать на него и не надеялась.»

«Я с мальцом, как с сыном родным: грамоте обучал и все... Ласковый был мальчонка: обед мне на фабрику таскал, чулки штопать обучился...»

жить достаточным основанием для перемены нашей партийной тактики. Но все факты дикого произвола политической и общей полиции должны в руках наших организаций послужить средством агитации в рабочих массах и в обществе. Исчерпывающий ответ на бросаемые нам врагами вызовы мы им дадим тогда, когда начнется разрушение народной толпой русских бастилий. Это время не за горами. Наш долг приблизить его наступление.

I. Истязание тов. Голуба в Александровске.

(Рассказано с его слов.)

30 апреля Голуб приехал в Екатеринослав и, оставив чемодан у Каплана, был арестован на улице городовым по указанию шпионов и препровожден во 2-й участок. При обыске у Каплана, в чемодане, оставленном Голубом, оказались 844 первомайских прокламации. На вопрос исправника, откуда и кому он это привез, Голуб сказал, что будет отвечать только жандармскому офицеру. Исправник не ожидал такого ответа, а потому разразился целым потоком нецензурных ругательств. Видя, что и эта мера ни к чему не приведет, надзиратель Поручко, после непродолжительного совещания с исправником Бернадским и достойным помощником Анфиловым, обращается к Голубу, предлагая ему немедленное освобождение и 100 руб. денег от исправника, если только он скажет, где он взял прокламации и кому привез.

«Слишком дешевый способ вы предприняли, милостивый государь, — с улыбкой ответил ему Голуб, — повторяю, что показания буду давать только жандармскому офицеру». Квартиру осаждала толпа любопытных. Голуба отправили в полицейское управление.

В полиции, после нового отказа Голуба отвечать на вопросы, его избили. Били исправник Бернадский, помощник его Анфилов и надзиратель Поручко по лицу и голове кулаками; когда же и эта мера не привела ни к чему, Анфилов, проявивший усердия в этом деле больше всех, велел принести нагайку, говоря, что теперь Голуб станет поговорчивее.

Голуба раздели до-нага, положили на скамейку; городовым: Гуртовскому и Кириенко и др. велено было держать голову и ноги. На этот раз били только Анфилов

и Поручко. Бернадский же допрашивал. Истязания длились часа два. При пощечине Голуб ступил было шаг вперед к Анфилову, но сзади на него навалилось шесть городских и связали ему руки.

На требование Голуба о вызове врача для освидетельствования ответили смехом.

3 мая был у нас товарищ прокурора Рейхер. Выслушав жалобу Голуба, он что-то записал у себя в книжку и сделал распоряжение об освидетельствовании его. На следующий день прибыл городской (полицейский) врач М. Л. Гар, освидетельствовал Голуба, но не нашел следов истязаний (!), так, по крайней мере, сказано в протоколе освидетельствования, тем не менее, Гар прописал Голубу лекарство.

II. Письмо рабочего из Гродненской тюрьмы.

Нам передают, что в Одессе циркулируют неверные слухи о жестокой администрации нашей тюрьмы, что там не знают, верить или не верить этим слухам, которые представляются прямо-таки чудовищными. Мы спешим настоящим письмом поведать товарищам действительное положение заключенных в Гродненской тюрьме. Нас, 18 человек, после 12-дневной голодовки в Одесской тюрьме выслали в Гродну. Уехали мы, не прошившись с родными, без платья, белья, сапог и без денег на дорогу. Правительство, боясь сочувственных демонстраций со стороны товарищей, во всех городах при встрече с нами, вело переправить нас в Гродну как можно поскорее и секретнее. Вследствие этого нам не дали известить родных об отъезде. Никакие протесты и требования не помогли. Жестокость этого поступка станет яснее, если мы примем во внимание, что большинству высланных предстоит из Гродны отправиться в Сибирь.

Во исполнение приказа «свыше» — перевезти нас без шума, — нам не было объявлено, куда нас отправляют. Узнали мы это только в двух станциях от Гродны. В конторе Гродненской тюрьмы нас начали поодиночке обыскивать. Обыскивали в присутствии начальника в отдельной комнате. Вызвали первым товарища С. Р. Вскоре мы услышали шум из той комнаты, куда вошел Р. Мы подошли к дверям и начали прислушиваться. Оказалось, что

«Бывало, соберутся ребята потолковать, сидишь до поздней ночи, никогда не уснет: слушает. Как с обыском пришли, полез городской к нему под подушку, он городовому палец-то и укусил. В протокол занесли: „при исполнении служебных обязанностей“...»

«Да! И забрали малого в какой-то приют для исправления (шибко, говорят, порют ребят там). Окромя его, у меня и родных почитай и нету. Сердце у меня об нем каждый день болит: изуродуют, гляди, малого: либо из него лакея, либо жандарма сделают. А я матери обет дал. Ну, и нет мне больше покою, — ни день, ни ночь...»

«И написал я ему, стало-быть, письмо: помни, мол, о наших разговорах и на свою башку надейся, и знай, что обманывать тебя много будут. Письмо это и попадись по начальству: не понравилось! Уряднику беспокойство, он и норовит в зубы. Ну, а я тоже виды видал»...

Василий замолчал.

— Пороть тебя, слышь, будут! — сквозь зубы пробурчал Степан.

Василий привстал и нервно запахнул свой армяк. Усталое скорбное выражение исчезло с лица, глаза ожились, а губы трогала насмешливая улыбка.

— Насчет этого у вас, действительно, просторно, — проговорил он совсем другим голосом, — только нет! Убить меня вы можете, а насчет телесного наказания... Не-нет! Посторонись...

Он отодвинулся от огня и быстрым движением сдвинул картуз на затылок.

— «Просторно у вас, что и говорить, — только благодать-то от простора этого не на вас нисходит! Захотел писарь корову со двора свести — сведет! Приглянулася становой баба — изволь! Потому простор и препятствий никаких не полагается... Не понравился старичкам твой обычай, — ставь ведро очищенной! Надоела хозяйну жена-старуха, — а вожжи на что? — бей, сколько влезет! Просторно — благодать!

«А только у меня от этого простору вашего душа вся измаялась... На три версты человека не сыщешь, листа печатного с огнем не найдешь! Либо бежать мне от простору вашего, либо руки на себя наложить... Вот!».

Василий снова опустился на землю. Голос его сделался ровнее и гуще, точно прямо из груди выходили слова.

— «Тесно у нас там было, что и говорить. На квартире народу напихано, — не продыхнешь. А только все мы там сгрудились, все заодно. — И в тесноте мы и в обиде, а только в тесноте этой правда слышится... Слышь, Степан? правда... А вы тут правды этой никак понять не можете! А сколько про правду это написано, про все написано: и как человек раньше жил, и как до нынешнего положения дошел, и как жить будет, и как жизни новой добиваться надобно. Попадется книжка хорошая, — дух захватывает, — и начинаешь это понимать, что и как, — словно просветление тебя охватит, — гени-

начальник вздумал обращаться с товарищем на «ты», последний протестовал против этой грубости. Увидя, что мы возмущены и возбуждены его дерзостью, начальник шепнул что-то на ухо старшему надзирателю, и тот вышел. Через четверть часа к нам в контору вошло 20 вооруженных солдат и надзирателей «на всякий случай».

Р. увели. Мы в тот момент думали, что его повели в камеру, но, как оказалось впоследствии, его прямо из конторы потащили в карцер на 7 суток. И это после 12-дневной голодовки и 2-суточной езды по железной дороге в душном тесном вагоне. Несмотря на то, что у нас следствие у всех давно кончилось и в Одессе мы сидели в общих камерах и гуляли вместе, нас здесь разместили по одиночным камерам и постарались разорвать всякие сношения между нами. Всякий революционер, вступая в движение, заранее знает, что, в случае ареста, ему нечего ожидать себе пощады от царского правительства. Он знает, что царские опричники постараются дать ему почувствовать всю тяжесть силы, орудующей штыками и нагайками. Знает он также и то, что, попадая в тюрьму, революционер вынужден продолжать ту же тяжелую борьбу со своим заклятым врагом — правительством, которую он ведет на свободе. Такая борьба ведется в настоящее время во всех тюрьмах России. Но успешна она бывает только тогда, когда она ведется дружными и общими силами. Примером такой доблестной борьбы может послужить Одесская тюрьма, которая за два года превратилась из ада в «гостиницу», как ее называют те, которые сидели при ее строгом режиме. Неуспешность нашей борьбы в Гродненской тюрьме объясняется сильнейшим физическим истощением после 12-дневной голодовки и полнейшим неведением об участии других товарищей. Бороться пришлось каждому в отдельности, а потому было очень легко с нами «сладить».

А бороться было против чего.

Начать хотя бы с того, что нас лишили табаку, давали самую отвратительную пищу, сырой хлеб, перемешанный с песком, вызывающий такую тошноту, что многие из нас предпочитали есть его раз в два дня, а остальное время голодать. Койку на целый день закрывали, несмотря на то, что все еще держались на ногах от страшной слабости после голода. Но все эти лишения кажутся незначительными, в сравнении с наглым обращением начальника

тюрьмы с нами. Мы теперь приведем несколько примеров такого обращения. На другое утро по прибытии в Гродненскую тюрьму большинство из нас сидело по карцерам за нежелание подчиниться приказанию надзирателя сойти с окон. Наказывали нас, не предупреждая о «проступках», влекущих за собой наказание. Обыкновенно это происходило следующим образом:

Заключенный стоит у окна и разговаривает с товарищами. Открывается дверная форточка, и надзиратель кричит: «Слезай с окна!...». Следует ответ: «Не хочу!».

Форточка захлопывается, и через десять минут входит начальник в сопровождении целой толпы надзирателей, и непокорного тащат на 7—8 суток в душный, темный карцер, где воздух — за отсутствием какой бы то ни было вентиляции — весь отравлен миазмами и где приходится питаться одной только вонючей водой, которая приносится один раз в два дня, лежать на голом полу, без одеяла и пальто, отдавая себя на съедение крысам, которые покрывают твоё тело и грызут его.

Начальник ведет себя при этом самым возмутительным образом. Входя в камеру, не снимает фуражки. Заключенный требует, чтобы он ее снял. — «Не тебе учить меня», — отвечает он.

Выслушав такой ответ, товарищ одевает демонстративно свою фуражку. За такую «дерзость» его сейчас же наказывают «лишением переписки с родными на целый месяц». Вообще, нужно заметить, что начальник очень «компетентен» (как он сам сказал одному товарищу) и изобретателен на всякие иезуитские наказания. Лишение прогулки, выписки провизии из лавочки, письменных принадлежностей и переписки с родными и т. д. и т. д. служат ordinарным средством для наказания непослушного. Заходит он к одному товарищу, чтобы наказать его за «перестукивание» с соседом, обращается при этом на «ты» по обыкновению. — «Я требую, чтобы вы мне говорили „вы“, а не „ты“, — заявляет ему оскорбленный товарищ. — «Я твой начальник, а ты мой подчиненный, поэтому не тебе учить меня», — отвечает зарвавшийся опричник. Несмотря на тяжелое состояние духа, товарищ не может удержаться от смеха при мысли, до каких чортиков доходят «царские слуги» в своих отношениях к представителям «крамолы». Начальник, уже выходя из камеры, доба-

альность твоя просыпается, слаще меду это показывается. И чем мы силу в себе, чем силу промежду себя. Сегодня промолчим, завтра промолчим, а там как один человек поднимемся. И всякий это очень хорошо понимает: и рабочий, и хозяин и полиция... Ну, нахальники-то и опасаются...

«Толстая книжка есть, — трудно понимать, — а стараешься, понимаешь. Ночи сидишь — допытываешься. А прочитал одну книжку, другую, — приобщишься и начинаешь это до корня все понимать. И ничего-то, ничего сладостнее этого и придумать невозможно...

«Сложилась мы: кто гривну, кто полтинник. Люди есть, которые и книжку тебе укажут и растолкуют, ежели что. И поднимается душа твоя и человеком ты себя понимаешь, а потом настоящую книжку принесут, запрещенную, где она, правда, так вся и выписана.

«Накопилась у нас этакая целая горка... Книг-то... И пришли они и забрали... Все забрали, до последнего листочка, — и дозволенное и недозволенное... Ничего не осталось, все пропало... Все разбили, все смяли... Всех разослали, — кого куда... Камня на камне»...

Слезы подступили к горлу Василия, и он уткнулся лицом в мокрую траву. Он старался сдерживать накопившиеся в груди рыдания, судорожно хватаясь за траву и вырывая ее клочьями из земли.

Степан неподвижно лежал на армяке, закинув руки за голову, и смотрел на бледнеющие звезды. Ни один мускул не двигался на его нахмуренном лице.

— «Боятся они вас, народ-то вы того, — самоуверенно и тихо сказал он: — все мину, слышь, подводите под них.

Василий быстро подвинулся к Степану, слова которого поразили его своею неожиданностью. Две слезы остановились на его бледных щеках, но плакать ему более не хотелось.

— «Мину? Какую мину?!! Мы и думать-то об мне не думали.

«И не нас они боятся: сегодня мы здесь, а завтра и нету никого. Идеи они нашей боятся, правды нашей. Ты пойми»...

Он вплотную придвинулся к Степану; настойчиво и упрямо он передавал ему фразу за фразой, отчеканивая каждое слово, всю душу свою вкладывая в свои речи.

— «Вы вот здесь стоите и никакого понимания не имеете и не видите, как они паутиной-то вас кругом опутали, — хитро и очень даже остроумно...

«Заслониться совсем от правды, как от солнца, не могут — ну, и пиши ты об ней так, чтобы и понять-то нельзя было, пиши толстые книжки, да мудреные, да дорогие, чтобы и подступу к ним нашему брату не было. А напишешь попросту, и печатать не дадут, да и самого утопят. И топят, топят они людей... — Василий волновался все больше, все настойчивее рассказывал он, как «они» душат мысли и людей, — везде: и в городе, и в деревне, и в деревенской школе, и в академии,

вил: — «Притом, ты разве князь или граф, что требуешь вежливого обращения? Ты, ведь, мешанин, а потому я буду обращаться с тобою грубо и буду говорить тебе „ты“».

В другой раз с тем же товарищем приключился сильный припадок от долгого сидения в карцере и от сильного истощения организма, вследствие питания через день сырым хлебом. Медицинской помощи не давали, и он в конвульсиях бился в течение двух часов на холодном полу.

Пришел начальник и, видя, что больной не встает, толкнул его ногой с криком: «Встать, сказано, ведь, тебе, что нельзя валиться на полу»... Последний очнулся, и вся его ненависть, все его негодование к своим мучителям-тиранам вылилось в один душу раздражающий крик: «Не мучьте меня, негодяи!..».

И он впал в беспамятство... — «Ташите его», — последовал ответ палача-начальника. И его потащили в карцер...

Карцеры постоянно были переполнены. Захотели нас насилловать — стричь под машинку № 1. Мы протестовали и не хотели идти в контору, где находится цирюльник; нас посадили в карцер и остригли.

Приказали на прогулке вести себя чинно, т. е. не разговаривать, не смеяться и складывать руки на груди и не размахивать ими; не соглашаемся — карцер.

Нужно заметить, что вершителем судеб в Гродненской тюрьме является исключительно начальник. Никакие жалобы не ведут ни к чему, отовсюду следует один ответ: «Нужно слушаться начальника». Начальник заявляет: «Мне приказано вас исправить».

Мы закончим это краткое письмо упоминанием о тюремном докторе. Этот господин является поистине апокалиптическим чудовищем. Он не верит ни в какие болезни. Совет его один товарищ, страдающий пороком сердца. Доктор берет его за руку, смотрит на нее и заявляет, что «еще ничего» и для такого пустяка очень глупо было его «беспокоить».

Другому на его заявление, что он страдает невралгией, следствием чего у него бывают частые припадки и обмороки, этот муж отвечает, что он при его припадках не присутствует, а потому ничем ему не может помочь — тут же велит надзирателю «подать себе другого». Посещает

он тюрьму один раз в неделю, а то и раз в три недели. В остальные дни умирай — не умирай, а медицина, в лице своего служителя, находится в отсутствии.

Таково в кратких словах положение заключенных в Гродненской тюрьме.

Рабочий.

Р. С. Почти у всех заключенных анемия мозга, сам автор настолько разбит и слаб, что даже вспомнить всего еще не в силах. Потом только обнаружатся все страдания, пережитые товарищами, посланными по распоряжению г. Поллана на «исправление» гродненскому начальнику.

Протест защитников. Кроме заявления, помещенного в № 26 «Искры», другими защитниками крестьян в Валках были поданы несколько иные заявления:

I.

В Особое Присутствие Харьк. Судебной Палаты.

Присяжных поверенных Г. Г. Гонтарева и В. П. Куликова

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Правительствующий Сенат по Уголовному Кассационному Департаменту в решении 1873 г. № 32 по делу Алимова разъяснил, что в случае, если подсудимые до суда понесли наказание за судимое деяние в ином, не судебном (дисциплинарном или административном) порядке, то это последнее принимается судом во внимание при определении судебной кары.

Из разъяснений, данных нам, как защитникам, подсудимыми, мы убедились, что они несудебное наказание уже претерпели в форме сечения. Это обстоятельство мы считаем, по указанным выше основаниям, настолько существенным для дела, что в безусловный долг себе поставляем принять к полному выяснению его на судебном следствии все меры, преподанные Уст. Угол. Суд. имп. Александра II. Принимая затем во внимание, что этого

и в церкви и в театре.—На каждое слово смраду напустят, над каждым человеком надсмеются, надругаются.

«Свободы они боятся... Вот! От свободы смерть им... Для себя простор — от берегут, чтобы помехи им не было, чтобы им, толстопузым, безобразить вольготней было. И безобразят они и нахальничают, и безобразно нахальству их конца — краю не видно.

«Так пойми ты: ведь нужно их нахальничанию предел положить? Нельзя, пойми, нельзя, силы нету это терпеть! Ты пойми»... — Он нагнулся к Степану, крепко схватил его за армяк; он старался заглянуть ему в самые глаза, в самую душу.

Степан приподнялся и грубо, злобно отбросил его в сторону:

— «А ты не напирай! Чего навалился?

Слова застряли в горле ткача, и он опять опустился на траву.

Мертвая тишина охватила их. Последние звуки исчезли: затих даже неугомонный перепел. Вся природа с изумлением смотрела на эту страстную борьбу двух людей; точно понимала она, какая важная, огромная борьба ведется здесь, точно она внимательно следила за этой борьбой и, затаившись, с нетерпением ждала исхода. Только туман попрежнему волнами поднимался с реки и подвигался все ближе и ближе, да какая-то насмерть перепуганная пичуга с тревожным щебетом промелькнула над костром и снова исчезла в темном воздухе.

Василий снова приподнялся. Нервная холодная дрожь пробегала по его телу. Душа его, как птица, билась в темноте и искала выхода. Ему нужно было, чтобы кто-нибудь понял его, ему нужно было завоевать себе товарища: иначе (это было ему ясно) — иначе чувство одиночества и затерянности задушило бы его.

— Господи! И отчего вы не понимаете? (голос его звенел). Ты, Степан, глянь только, сколько обиды кругом, — сколько обиды кругом, сколько издевки. Ведь вас, как скотину, обратали, хомут вам на шею надели: ворочай, гни, сей изо дня в день, из году в год... А у вас, как у скотины вашей, только ребра наружу. Сели вам на шею и кнутом погоняют — и десятский, и сотский, и земский, и пан: тащи, мужик, в казну, тащи, мужик, в кабак! Ведь и мысли все ваши связали, и глотку грязью заткнули, и в навозе вас вываливали... А вы... а вы... а вы понимать не хотите, а вы понять не можете. И подходу к вам нету: загородились... Захоронились... — Его напряженный звенящий голос долго еще звучал среди ночной тишины.

Из-за костра приподнялась маленькая высохшая фигура старика с желтым и сморщенным, как выжатый лимон, лицом, с маленькими злыми глазами и с жесткой, редкой, как у китайца, бородой. Казалось, он поднялся из-под земли, и земля прилипла и на согнутых пальцах его и между глубокими морщинами его лица. Он уставился глазами на Василия, и губы его быстро жевали.

долга защитников мы не можем выполнить вследствие категорического запрещения г. председателя касаться при допросе свидетелей этого важнейшего, с нашей точки зрения, предмета, мы не находим возможным лишь формально занимать место защиты, не выполняя ее священные обязанности — принимать все законные меры к облегчению участи подсудимых, почему и считаем себя нравственно обязанными оставить залу заседания.

II.

В Особое Присутствие Харьк. Судебной Палаты.

Бывших защитников крестьян Карловской волости Андрея Тарона и др. прис. повер. Н. Н. Переверзева и пом. прис. пов. М. Б. Ратнера, М. В. Шейнмана и Б. Г. Барта

ПРОШЕНИЕ.

В заседании Особ. Прис. Харьк. Суд. Палаты в г. Константинограде 5 октября 1902 г. по делу об обвинении крестьян Андрея Тарона и друг. по 269 ст. Ул. о нак. прис. пов. Н. Н. Переверзев от имени нас всех, бывших защитников, заявил об отказе нашем от защиты подсудимых. В виду особенной важности для нас этого момента судебного заседания, мы имеем честь почтительнейше просить Особ. Прис. приобщить к протоколу по вышеозначенному делу точный текст заявления, сделанного от нашего имени Н. Н. Переверзевым: «Защита со слов подсудимых и из показаний свидетелей, данных на суде, пришла к убеждению, что обвиняемые совершили тайное похищение чужого движимого имущества на сумму менее 50 руб., т. е. деяние, предусмотр. 769 и 170 ст.ст. Ул. о нак., налагаемых мировыми судьями, далее, что деяние это было совершено подсудимыми в пределах их волости и, как таковое, на основ. 17 ст. Врем. правил о волостных судах, подлежит ведомству волостного суда. С другой стороны, защите со слов подсудимых известно, что за совершенные ими деяния они, по распоряжению губернатора, подвергнуты были тяжелым телесным наказаниям, далеко превосходящим высшую норму наказаний, налагаемых по приговору

волостных судов, — 20 ударам розог. В виду этого, защита, руководствуясь ст.ст. 135, 153 и 144 Ул. о нак., решениями Правительствующего Сената по делам Керянова (1867 г. № 347), Алимова (1873 г. № 32) и Кучеркова (1871 г., № 1312) и в силу основного принципа уголовного права, что никто не может быть дважды наказан за одно и то же деяние, считает необходимым выяснить, кто из подсудимых и в какой мере был подвергнут телесным наказаниям, и просит Палату дополнить судебное следствие выяснением этих обстоятельств», и после того, как председательствующим изложенное ходатайство защиты было отклонено, Н. Н. Переверзев, от имени нас всех, заявил след.: «Так как обвиняемые признали себя виновными в краже сена из экономии Карловки и так как это сознание их вполне подтверждается обстоятельствами настоящего дела, то защита усматривает единственное средство, могущее служить к облегчению участи подсудимых в указании на то обстоятельство, что они понесли уже за свои деяния наказание, далеко превышающее меру ими содеянного. Но вы, г. председательствующий, запретили нам касаться этого. Считая это запрещение стеснением законных прав защиты и, вместе с тем, лишенные единственного средства, которое осталось в наших руках для ограждения интересов этих несчастных (защитник указал на подсудимых), мы вынуждены заявить Особ. Прис. Харьк. Суд. Пал., что, не находя возможным с настоящего момента исполнить, согласно требованию закона и нашей совести, обязанности наши по отношению к подсудимым, мы отказываемся от их защиты». Присяж. пов. Н. Н. Переверзев и пом. прис. пов. М. Б. Ратнер, М. В. Шейнман и Б. Г. Барт.

Духовенство старается.

Копия.

Предложение духовенству херсонской епархии. Конфиденциально.

В циркуляре херсонского губернатора от 22 мая сего года, напечатанном в газете «Юг», находится следующее сообщение: «По имеющимся у меня сведениям за последнее время в пределах Херсонской губернии в селах и деревнях стали появляться злонамеренные лица, с целью воз-

Черная, как смоль, бороденка клином шевелилась, точно живая.

— Да! И в навозе вывалили и разорили нас... Это так! — прошамкал он. — А ты кто такой объявился, понятливый! Проповедь-то отчитываешь, а в бога не веруешь. Мимо храма божьего идешь, шапку на затылке бережешь. По-твоему, кто его, бога-то, выдумал, а? Пор-р-роть тебя, парень, надуть, вот что!

Степан медленно поднялся на ноги и, не глядя на Василия, злобным изменившимся голосом сказал ему:

— А ты не напирай! Навалился, как медведь на козу. Не напирай, дай срок!

Он медленно пошел к реке, и фигура его быстро потонула в белом тумане, только черный след остался на росистой траве.

— Вот! Слышал, что тебе малый сказал? — продолжал старик: — не напирай — вот! А то плохо тебе, парень, будет: дай срок...

— А ты, старая ворона, — громко ответил Василий, — в чужую борозду не лезь, своей придержишься!

Он быстро с головою закутался в армяк и лег на землю.

— Дай срок! Дай срок! — ворчал старик, укладываясь в свою очередь.

И природа перевела дух: пахнуло ветерком, где-то заквакала лягушка. Костер еле дымился.

Когда Василий проснулся, солнце уже торжественно поднималось над горизонтом. Ребята, громко переключи-

каясь, ловили лошадей. Степан угрюмо и сосредоточенно распутывал своего серого мерина. Положив на него армяк, он неуклюже взобрался на спину мерина и под'ехал к Василию.

— Вставай, Васька: день! — громко сказал он и, нагнувшись и глядя Василию прямо в глаза, таинственно прибавил: — А ты не напирай: сроку дай. Да при стариках остерегись: беды наживешь. Снохачи! — прибавил он как бы в пояснение и ударил мерина веревкой. Мимо пронеслись с топотом и криками возвращавшиеся домой ребята.

Василий глубоко вдохнул свежий воздух. Еще не высохший луг весь сиял и переливался в солнечных лучах, где-то в небе радостно трепетал жаворонок, а вдали звонко ржал отбившийся от табуна жеребенок.

Василий удивленно смотрел на все это; он как будто в первый раз заметил, сколько жизни разлило кругом, и он чувствовал, что и в нем прибыло и жизни, и веры, что и он не будет более себя чувствовать таким одиноким среди зеленеющих полей. Измученное лицо Василия несколько оживилось.

Н. Л. К.

буждения крестьян к аграрным беспорядкам. В народе распространяются нелепые слухи о каком-то наделении земель, возбуждаются превратные толки о значении частной собственности, а бывшие беспорядки в Полтавской и Харьковской губерниях возводятся чуть ли не на степень подвига крестьян, получивших будго бы при этом большие выгоды. — Такое опасное положение крестьян, конечно, не должно, да и не может оставаться в неизвестности для приходских пастырей, которые, как ближайшие приставники, благодатью божиею призваны быть учителями народа и долгом своей священной службы обязаны предотвращать во вверенных им приходах всякие неблагоприятные, а тем более преступные, влияния своевременным разъяснением их незаконности, вразумлением заблуждающихся и нравственным умиротворением совести совращенных с мирного пути общественной жизни. Для этого духовный пастырь, внимательный к своему долгу и заботливый о нравственной пользе своих прихожан, может воспользоваться церковными проповедями и внебогослужебными собеседованиями и частными с каждым из прихожан сношениями, соблюдая однако ж при этом крайнюю осторожность, чтобы, разъясняя преступность и гибельность противообщественного направления, преждевременно не ознакомить через это людей, еще не зараженных им, и, вместо отклонения от угрожающего зла, не ввести их в соблазн и искушение, так как все запрещаемое, по нравственной порче человека, сильно влечет к себе, особенно, если при этом еще имеется расчет на какие-нибудь материальные выгоды или мнимое улучшение условий общественной жизни. Священник с тем большим удобством может подметить среди своих прихожан какое-либо недоброе направление, обуславливаемое ложными слухами или же тайными внушениями разных прохождений, чем ближе он себя поставит к ним не только в служебных (официальных) отношениях, но и в самой жизни, когда будет стараться для них быть внимательным к их духовным и телесным нуждам наставником и руководителем, добрым отцом, пекущимся об их благе и во всякое время готовым разделить с ними радость и горе. То доверие и даже любовь, которые он возбудит к себе в прихожанах своею близостью к ним и обходительностью, дадут пастырскому его слову не только твердость и убедительность, но и такую духовную силу, против которой не смогут успешно действовать никакие подпольные внушения людей злонамеренных. В случаях особенных, когда или слово пастыря окажется бессильным для нравственного воздействия на заблуждающихся или вредные внушения глубоко пустят корни в приходскую среду, священник обязан совершенно секретно доложить о том архиерею, обстоятельно изложив сущность дела и подробно описав положение своего прихода, присоединив к сему и то, какие меры он сам употребил к исполнению лежащей на нем обязанности духовного просвещения своей паствы. Таким образом, при помощи выше, возникающее зло, если уже не будет искоренено, по крайней мере, будет, насколько возможно, ограничено в своем распространении и ослаблено в своей силе. И на нас всех — пастырях духовного стада христового — не сбудется грозное слово господя, реченное через пророков (Иезекииля 34 гл., Иеремии 23 гл., Захария 11 гл.). — Июня 11 дня 1902 г.

Иустин, архиепископ херсонский и одесский.

Надо думать, что архиереи станут препровождать доносы священников «совершенно секретно» в соответственные учреждения, которые будут ссылаться уже не на 34 гл. от Иезекииля, а подобающую статью «Уст. о пресеч. и предупр. прест.».

Вильна. В ноябре прошлого года, везжая в Вильну, фон-Валь в своей «программной» речи отрекомендовался «службой царевым», обещая показать инородцам, что значит твердая власть. Задача выполнена блистательно. Теперь, в вене из окровавленных розог и ореоле виселицы, получив 16 тыс. рублей на лечение ран, возведенный в товарищи Плеве и сделанный начальником жандармов, — он выехал из Вильны, оставив город и губернию на положе-

нии усиленной охраны. Перед отъездом, однако, этот нравственный калека, вошедший во вкус человеческой крови, еще раз потешил себя порокою: он приказал высечь 20 мальчуганов-сирот, питомцев «Воспитательного дома младенцев Иисуса» (sic) за оскорбление зрителя. Врач заведения, Андреяшев, отказавшийся санкционировать экзекуцию, отстранен от должности.

15 октября, при открытии действия городского присутствия по набору новобранцев, военный врач Ерофеев отказался принять руку, протянутую ему сподвижником Валя городовым врачом Михайловым, и заявил о нежелании знакомиться с подобным господином; проглотив оплеуху, этот врач-городовой побежал к военному начальству с жалобой, в результате чего Е. устранил и заменен другим, более покладистым. Это заявление элементарной порядочности трактуется либеральной частью общества как акт величайшего гражданского мужества; все рады, что нашелся хоть один человек, плюнувший в лицо этой гадине; но открыто выразить сочувствие и солидарность с Е. не решился до сих пор никто даже из врачей. О, мудрые, дряблые либералы!!

Воронеж. (Из частного письма.) «У нас тут в Воронеже разыгралась недавно целая история. Здешний уездный комитет о нуждах сельско-хозяйственной промышленности составил доклад, где говорится о необходимости развития местного самоуправления, и во главе его «всероссийское земство» с правом избирательной инициативы; затем, о необходимости гарантий личной свободы, свободы совести, печати, слова, собраний, о национализации земли и т. д. На заседании комитета один член его, С. В. Мартынов, уездный гласный и земский врач, предлагал комитету признать себя некомпетентным органом для решения вопроса о нуждах сельско-хозяйственной промышленности, так как состав комитета случайный, зависящий от благоусмотрения администрации и юридически не пользующийся никакими правами. Но, рекомендуя признать себя некомпетентным, Мартынов предлагал, в виду крайне ненормального положения не только Воронежской губернии, но и всей страны, рекомендовать правительству созвать совещание из выборных от всего населения, гарантировав выбранным неприкосновенность их личности за все то, что они будут говорить в представительном собрании. Другой член комитета, гласный и известный педагог Бунаков, предлагал комитету разойтись, так как положение страны настолько безотраднo, что без радикальных перемен всего политико-экономического строя России говорить о частичных агрикультурных мероприятиях не только бесполезно, но и вредно, так как это только отвлекает от насущных вопросов. Комитет не согласился с мнениями Мартынова и Бунакова и выработал упомянутый выше доклад, принятый комитетом единогласно. Затем доклад был передан, в числе прочих, в губернский комитет, где его должны были обсуждать, так как губернатор допустил его в число докладов, подлежащих рассмотрению губернского комитета. Все это происходило в сентябре и октябре месяцев. Публика, сразу заинтересовавшаяся всеми этими вопросами, поменьше приходила в норму и стала уже забывать... как вдруг в самых последних числах октября губернатор получил запрос, кто ответственное лицо за доклад Воронежского комитета. Алисов, уездный предводитель дворянства, председательствовавший в комитете, сказал, что всю ответственность он принимает на себя. Губернатор только что получил двухмесячный отпуск за границу, скачет к Плеве в Ливадию. Оттуда телеграммой вызывает Алисова. 26 окт., по телеграмме из Питера, делают обыск у Бунакова и Мартынова. От Бунакова берут подписку о немедленном выезде в Спб., а Мартынова арестовывают и везут туда же. 1 ноября приехал тов. мин. вн. дел Зиновьев для расследования всего этого дела. Губернатор уволен. Все члены комиссии, составлявшей доклад комитета, приглашены быть 1 и 2 ноября в Воронеже для беседы с Зиновьевым»...

Херсон. Давно уже (с самого 1899 г.) стало замечаться среди старших гимназистов Херсонской гимназии брожение.

Учителя, эти продажные и омертвевшие в своей рутине чиновники-педагоги, не на шутку встревожились: кружки, чтение литературы, живой обмен мыслей, идеальные общественные стремления стать на защиту угнетенных — ведь это так не похоже на то, что они привыкли сами создавать в своих питомцах, так чуждо им. От этого веет таким свежим, честным и новым, что единственным отношением «бывших людей» к этим новым явлениям могла стать только травля, самая бесстыдная и наглая травля. Учителя начали шпионить за учениками, выпытывать их убеждения, читать целым классам о бессмысленности студенческих волнений, о злонамеренных людях, о наказаниях, которые повлечет за собой малейшая замеченная связь между учениками и поднадзорными и т. д. Зимой этого года один из гимназистов 8 класса в пьяном виде (а надо сказать, что гимназисты резко делятся на меньшинство — серьезных и мыслящих и большинство — кутил, пшютов и будущих карьеристов) без всякого намерения прострелил портрет нашего Николая, и ведь экая шальная пуля: попала прямо в сердце! Представьте себе переполох среди учителей и инспекции. В этом факте они увидели политическое преступление, учиненное неблагонадежным гимназистом. Сейчас же все восьмиклассники были призваны в кабинет директора и самым строгим образом допрошены: кто и с какой целью совершил такой ужасный и дерзкий поступок. Директор ничего не добился и, так как он, очевидно, сам сильно струсил, то решил прикрыть это дело, приказав ученикам никому не говорить о случившемся. Простреленный портрет был заменен новым, — и дело, кажется, обещало этим кончиться. Но вот приехал к нам новый помпадур-губернатор. Узнав, по доносу какого-то усердного обывателя, о случившемся в гимназии, он предписал директору и всему педагогическому персоналу учинить форменный допрос. И вот весь сонм учителей обратился в форменных жандармов. Во главе с директором, весь педагогический персонал допрашивал учеников 8-го класса, каждого поочередно, стараясь выпытать, кто прострелил. Приемы допроса носили поистине жандармский характер. Учителя старались сбить учеников перекрестными вопросами, убеждая выдать своего товарища, так как, дескать, уже и так известно, кто стрелял. Усердно допытывались, не участвовали ли в кружках, не читали ли социалистической литературы, не носили ли ее в класс и т. п. Все показания записывались и подшивались учениками. Кончилось тем, что несколько учеников-субультников стрелявшего выдали его. В виде наказания, стрелявший получил 4 за поведение в аттестате, а все «неблагонадежные» — дурные характеристики. Итак, наши учителя, воспитатели молодежи, с покорностью, готовностью и ревностью прозелитов, взялись за новую службу царю и отечеству — службу жандармов и сыщиков. До большого позора и продажности своего «я», кажется, дойти нельзя. Какими словами заклеить это гнусное, мерзкое дело наших учителей?

Позорное усердие. (Из Чернигова.) Беседа между черниговским губ. Андреевым с председателем глуховской земской управы Аммосовым:

Губернатор. У вас там есть фельдшерница Алексеева. Присмотрите за нею... Ее отец был письмоводителем в Шосткенском пороховом заводе и теперь обвиняется в государственном преступлении. Сын его также человек, политически неблагонадежный. Так вот и за дочкой нужно бы присматривать...

Аммосов отвечает, что он не может исполнить эту просьбу, объяснив этот свой отказ не нежеланием играть роль шпиона, а просто технического трудностью для него выполнять эту миссию. «Вот если бы В. П. дали мне предписание уволить Алексееву со службы, это я бы мигом выполнил»...

Губернатор. К сожалению, такого предписания я вам дать не могу... нет для этого у меня никаких оснований... Но я очень был бы доволен, если бы вы сами уволили Алексееву со службы...

Аммосов. Если так... я готов...

Алексеева была немедленно уволена... Не правда ли, интересная картинка?! Губернатор не находит оснований увольнять Алексееву, а вот г. председатель уездной земской управы, представитель уездного земства... находит... Но наш земец захотел еще дальше пойти: следуя, вероятно, завету старого Иеговы («на вас и детей ваших»... Аммосов решил насолить и другой дочери того же Алексеева: он хотел помешать ей получить стипендию от губ. земства на фельдшерские курсы; на вопрос губ. управы, на каком основании Глуховская уездная земская управа отклоняет просьбу Алексеевой, земец грубо-полицейски ответил, что он не считает нужным объяснять это... — Чтобы читатель составил себе более полное представление о личности председателя Глуховской земской управы, мы расскажем о нем следующую историю. Службу свою престолу Аммосов начал еще на студенческой скамье. Когда умер Александр III, он вздумал собрать среди студентов деньги на венок. Денег ему собрать не удалось. Тогда он купил венок на свои деньги и повез его в Москву — возложить на гроб, где официально заявил, что приехал возложить венок по поручению и от имени киевского студенчества. Эта архи-подлая уловка наделала такого шума среди киевского студенчества, что Аммосов предпочел убраться из университета.

Секретно.

«Черный кабинет».

М. Ф.

Нач. Одесск. почт.-телегр. окр
Июля 1902 г., № 75.

Гг. начальникам почтово-телеграфных и почтовых учреждений одесского округа.

И. д. Директора Департамента Полиции уведомил меня, что за последнее время усилилась пересылка по почте из-за границы революционных изданий на имя разных лиц. Вследствие этого и на основании предписания г. Начальника Главного Управления Почт и Телеграфов от 19 июня сего года за № 197, подтверждаю Вам о неуклонном исполнении данных по сему предмету правил (циркуляр 6 июня 1895 г., за № АА), при чем следует обращать особое внимание на международную корреспонденцию, адресуемую в сельские местности на имя крестьян. Нач. окр. Маевский и, делопроизводит. Петухов.

Итак, г. начальник почтово-телеграфного округа Маевский состоит в непосредственных деловых сношениях с директором департамента полиции! Какими законами это предусмотрено?

Результаты травли ссыльных. Якутск. 20 авг. разбиралось здесь в окружном суде, при закрытых дверях, дело политического ссыльного Николая Лузина (сослан из Тифлиса), по обвинению его в покушении на убийство верхоянского исправника в феврале этого (1902) года (ст. 9 и 1 ч. 1454 Ул. о нак.). После судебного следствия и речи прокурора, требовавшего наказать «без послабления» (от 12 до 15 лет каторжной работы), Лузин сказал до словно следующее:

«Объясняя причину своего покушения на жизнь верхоянского исправника, — как на следствии предварительном, так и судебном, — я указал, что покушение это есть акт открытой мести, вынужденный у меня произволом существующего правительства. Произвол этот мне пришлось переносить на себе в течение более чем двух лет ссылки и особенно весной 1901 г., когда якутская администрация производила надоемно чуть ли не истязания. Так как это последнее обстоятельство не может не быть известным каждому из присутствующих, то распространяться о нем я нахожу излишним (см. „Искру“ № 9); замечу только, что оно послужило последним толчком, вызвавшим мое покушение.

«Верхоянский исправник сделался объектом моей мести только потому, что, живя в Верхоянске, я не имел возможности встретить более видного представителя администрации.

«Развивая свои показания, я мог бы доказать, что на покушение я был именно вынужден насилем властей, — что в этом случае я действовал, подчиняясь лишь голосу справедливости, — и что, следовательно, на самом деле виновен не я, а существующее правительство. Суду пришлось бы, таким образом, оправдать меня, тем самым осудив правительство, вынуждающее на преступления!

«Но я знаю, что коронный суд этого сделать не может ни в каком случае. Являясь органом того же правительства, он не имеет даже права рассматривать дела между частным лицом и правительством, а если он это берет на себя, значит, ему нужно не выяснение истины, а мое осуждение во что бы то ни стало. При таких условиях всякая защита явилась бы бесплодной, — и мне остается только одно: принять молчаливо какой бы то ни было обвинительный приговор суда, как насилие, перед которым бессильно слово истины».

Суд приговорил Лузина к четырем годам каторжных работ. Апелляции от Лузина не поступило. 3 сент. приговор объявлен в окончат. форме, а 17-го вошел в законную силу.

Нами только недавно получен следующий документ, изданный Нижегородским Комитетом Партии в июне сего года:

Адрес виленским рабочим — полякам и евреям — по поводу зверств, совершенных над ними нашим царским правительством.

Виленские товарищи, еврейские и польские рабочие! В мае сего года нами, сормовскими рабочими, были получены известия о вашей майской демонстрации, девиз которой был «политическая свобода». Из этих же известий мы, сормовцы, узнали, как зверски с вами, товарищи, расправились наши деспоты, как вас — борцов за свободу и честь угнетенного пролетариата — в присутствии представителя губернии, изверга барона фон-Валя, секли; как небывало жестоко над вами издевались, причиняя вам физические и нравственные страдания, бесконтрольно власть имущие люди. Поэтому мы, сормовские рабочие, слыша об издевательствах над нашими братьями-рабочими, поляками и евреями, и сознавая, что, только объединяясь, без различия наций и религий, под знаменем международного социализма, мы, пролетарии, будем способны сбросить рабство капитала и царство кнута и нагайки, — мы, сормовские рабочие, спешим выразить свое горячее сочувствие нашим братьям-рабочим, евреям и полякам, храбро борющимся и жертвующим своей жизнью за дорогую для всех угнетенных свободу. Да будет вечная память герою-мстителю за оскорбленную честь пролетариата — еврею Леккерту, павшему от рук палачей! Приветствуем вас товарищи, уже раздавшимся в Сормове 1 мая криком: «Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода, да здравствует международное братство».

Организация сормовских рабочих.

К адресу присоединяется и Нижегородская Раб. Организация.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Озургетского уезда (Кутаисской губ.). Не прошло и нескольких месяцев после полтавских и харьковских событий, как наше забитое общество явилось свидетелем пробуждения крестьянской массы, на этот раз на далекой окраине, в Закавказье.

Довольно поздно вступила наша страна на путь революционного движения. Всего 5—6 лет тому назад у нас ни о чем не было слышно. Но раз вступив на этот путь, горячий южанин далеко и быстро разносит новые идеи, даже в деревенскую глушь, находя везде и всюду, особенно среди молодежи, горячий прием. Примером может служить Озургетский уезд. Он давно считается у нас беднейшим в Закавказье. Недостаток земли у крестьян сделал невозможным их экономическое благосостояние. Но это и вызвало сильное культурное поднятие деревни. Не

находя способов удовлетворения потребностей на месте, крестьяне бежали из деревень в города в наемные рабочие и на разные другие отхожие промыслы. Таким образом, крестьянин приходил в столкновение с цивилизованным миром, и все выгоды культурных приобретений в жизненной борьбе становились для него ясны. Это и вызвало в деревне насаждение школ, библиотек и т. п. просветительных учреждений. Благодаря этому, Озургетский уезд очень рано поднялся в культурном отношении, и он давно славится нас передовым.

К этому присоединилось одно важное обстоятельство, которое окончательно встряхнуло крестьян. В марте н. г. распоряжением губернской администрации, после знаменитой стачки, из Батума были высланы в деревни более 300 раб., преимущественно из крестьян Озургетского уезда. Эти-то рабочие и явились пионерами революционного движения в деревне. Таким образом близорукость правительства, как весьма часто случается, послужила на пользу революции. Рабочие привнесли новые идеи в среду крестьянства, взбудораженного убийствами «христолюбивым воинством» 15 рабочих. Тотчас же крестьяне выступили против двух сословий — землевладельцев и духовенства.

Чтобы понять положение вещей, нужно обратить внимание на земельные отношения, существующие в Озургетском уезде. Более трех четвертей всей площади земли находится в руках крупных и мелких землевладельцев-дворян. Остальная часть населения — огромная масса крестьянства — испытывает крайний недостаток в земле, так что принуждена пользоваться помещичьей землей на арендных условиях. Землевладельческий класс не преминул выжать последние соки из крестьян. Крестьянин-арендатор принужден треть, иногда даже половину, урожая отдавать землевладельцу, при чем, что хуже всего, обязан доставлять на дом помещику или его управляющему, хотя бы приходилось перевозить на расстояние 30 верст и более. Но главное зло в том, что за единицу принимаются всегда обильные урожаи, хотя бы в данном году совсем не было урожая, так что крестьянин в таких случаях обязан дать помещику из собственных средств треть предполагаемого урожая. Но зло и этим не ограничивается. У крестьян нет выгона для скота. Землевладелец, пользуясь этим, часто получает за право выгона не меньше половины всей стоимости животного, не считая того, что часто помещики и их управляющие захватывают животных, бьют, держат целыми днями без корма и т. д. Одним словом, крестьянин закабален землевладельцу. Добавить к этому обычное притеснение духовенства, тяжесть государственных налогов и различных сельских повинностей — и станет ясна картина бедственного положения крестьянства.

Еще в мае месяце крестьяне отказались обрабатывать помещичью землю, если земельная рента не будет понижена до одной шестой, а по местам даже до одной десятой с урожая, и не будут уничтожены все злоупотребления по выгону скота. В некоторых деревнях поговаривали и об уничтожении каких-то «драмовых денег», платимых духовенству подымно в размере 2 руб. ежегодно. Но вдруг разносится весть о полтавских и харьковских событиях. Крестьяне с радостью приветствовали своих новых товарищей. Это еще более ободрило по местам еще безмолствовавших крестьян, так что постепенно крестьяне целого уезда начали предъявлять вышеуказанные условия, отказываясь, в противном случае, обрабатывать землю, и отказались платить «драмовые деньги» духовенству.

Разумеется, и администрация не спала. Ей все мерещился «бунт» против правительства, хотя нужно сказать, что крестьянская масса против правительства редко что говорила, взваливая всю вину своего бедственного положения на низшую администрацию, которая якобы не сообщала высшему начальству о нуждах крестьянства и т. п.

На помощь администрации явилась целая свора добровольных шпионов из среды духовенства и дворянства, решивших во что бы то ни стало не уступать «голышам». Впрочем, бывали примеры уступок со стороны как дворян, так и духовенства, примеры, строго наказываемые администрацией. На это крестьянство в некоторых местах ответило убийствами и поджогами: возгорелась гражданская война.

Администрация — губернатор, помощник губернатора, уездный начальник, пристава — принялась искоренять «крамолу», наказывать «зачинщиков», требуя выдачи последних от крестьянских сходов при раз'ездах по деревням. Получая отказ, они арестовывали и арестовывают всех и всякого. Арестовывали и арестовывают всех «приличных», по их выражению, людей, хотя бы только что прибывших из города или другого места и совсем незнакомых с крестьянскими делами. В своих стремлениях устроить крестьянство администрация не различала больных и здоровых, арестовывая кого попало. Так, 8 сентября арестован фельдшер Ан. Рамишвили при 40° темп., в злокачественной лихорадке, не встававший с постели более двух недель. Целыми партиями — часто в 60 чел. и более — арестованные доставляются в Озургеты, Батум и Кутаис, а за последнее время даже и в Тифлис, при чем помещаются такими же партиями в душной и небольшой камере... Во многих селениях свирепствует экзекуция. Закрыты все библиотеки в уезде.

Но все это послужило на пользу крестьянству. Оно лицом к лицу столкнулось с полицией, жандармерией и губернской властью; оно прежде и представить себе не могло, что правительство защищает несправедливые требования землевладельцев и духовенства. Теперь, по крайней мере, передовая часть крестьянства знает, что главный его враг, это — царское самодержавие, гнетущее «обывателя».

Не довольный.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Скопин. Скопин, некогда крупный центр хлебной торговли, прогремевший по всей России Рыковской панамой, в настоящее время небольшой пятнадцатитысячный городок. Он пережил и свое торговое значение, благодаря проведению по соседству железных дорог, оттянувших от него хлебные грузы, пережил, можно сказать, и свою славу, от которой остался только миллионный долг, всей тяжестью падающий на городской бюджет. Верст за 15 от него самые крупные каменноугольные копи московского бассейна с пятьюстами рабочих-крестьян, принадлежат они французской анонимной компании. Лет 16 тому назад в «шахтах» был большой бунт, но с тех пор до прошлого года рабочие ничем себя не заявляли.

Прошлый год прошел спокойно: в небольшой промешутке времени «шахты» были разгромлены два раза; готовился и третий бунт, но почему-то не состоялся. Любопытно, что наивность некоторых крестьян шла так далеко, что в свои планы они посвящали даже земского начальника. Разгромы быстро подняли настроение рабочих: брожение среди них не прекращалось и к сентябрю весьма обострилось.

На-ряду с этим начинает проявляться сознательная революционная работа. К первому мая текущего года многие местные ремесленники, рабочие и приказчики получили письма, раскрывающие перед ними всю безвыходность положения разрозненной трудящейся массы и призывающие к объединению и борьбе; к письмам была приложена и прокламация на первое мая... И письма и прокламация были без подписи, гектографированные. Прокламация была разбросана по всему городу также и в ночь на 19 апреля. Среди приказчиков в настоящее время возникло движение, направленное на ограничение часов торговли. В думе уже раз обсуждалась их коллективная просьба; для окончательного решения вопроса дума постановила пригласить в свое заседание представителей от приказчиков.

Первое мая прошло, вообще говоря, тихо. Отказались от работы и праздновали маевку лишь рабочие каретной мастерской Мызникова, силой принуждая присо-

единиться к ним попавшихся на дороге плотников, да в типографии Благих работы были остановлены к полудню.

В мае же месяце, по настоянию жандармской власти, в квартирующем здесь Зарайском полку был произведен поголовный обыск солдат, при чем у одного из них были найдены нелегальные издания. Ходят слухи, что при допросе перепугавшийся солдат оговорил одного из восьми студентов, отбывавших здесь, на основании временных правил, воинскую повинность.

Летом возникли «осложнения» в крестьянстве. В некоторых деревнях едва не были разобраны запасы в хлебных магазинах. Состоятельные крестьяне заявляли, что если правительство хочет кормить бедных, пусть кормит на свой счет, а не на их. Крестьяне упорно не соглашались также ссужать своими хлебными запасами другие магазины, однако, в конце концов, принуждены были уступить. Летом же в одной из деревень, при покупке у помещицы земли, благодаря юридическим недоразумениям, возникло весьма серьезное брожение. В деревню послали полицию, которая успокоила крестьян угрозой казачьего поста.

Дабы выяснить восприимчивость крестьянства к агитации, в сентябре месяце были распространены в 15 деревнях Скопинского, Пронского и Ряжского уездов прокламации, составленные в весьма умеренном тоне. Вот их содержание вкратце. Благосостояние крестьянства — основа благосостояния всей России, положение же крестьян в настоящее время крайне тяжело. Испытанным исторически средством в таких затруднениях является не самовольный раздел чужого имущества, не насилие: пример полтавских и харьковских беспорядков показывает всю негодность таких мер. Собрание народных представителей у трона, участие народа в деле правления — вот к чему прибегали в трудные моменты русский народ и его цари. В этом и последняя, до сих пор невыполненная, воля царя-освободителя Александра II (?!). Крестьяне призываются отправить 19 февраля к государю депутацию (ходоков) с ходатайством о призвании к делу правления народных избранных.

Искоренители крамолы крайне встревожены и озадачены невидимым врагом. Остроумнее всех оказался местный предводитель дворянства Гологуанов, решивший, что крамолу кует его родственник и однофамилец, 12 лет уже занимающий пост земского начальника. Дворянская часть, перед которой преклоняется руководитель благородного сословия, не помешала ему отправить губернатору соответствующий донос, глубоко возмущивший местное общество. Несмотря на энергичное отпирательство Гологуанова, авторство его, как утверждают, было выяснено документально. Губернатор находится, повидимому, в совершенно естественном недоумении, каким образом одно и то же лицо 12 лет охраняло государственный порядок и... крамольничало. Чем кончится вся эта курьезная история, еще неизвестно. — В сентябре же месяце недалеко от Скопина был пойман прохожий, весьма неуважительно отзывавшийся о царе и его правительстве. Конечно, немедленно он был передан в руки жандармской власти.

Екатеринослав. Заготовщики устроили стачку, требуя 12-часовой рабочий день, увеличение платы. После четырех дней хозяева уступили, но только по той причине, что наступали еврейские праздники, когда много работы. Но требования их не совсем точно выполнялись. Рабочие снова объявили стачку, которая продолжалась три недели, при полном спокойствии. Наконец, хозяева согласились признать 13-часовой рабочий день и увеличение платы.

В Новочеркасске в мае были разбросаны впервые майские листки. Появились они в железнодорожных мастерских, на железоделательном заводе Отто и Миненкова и в других заведениях. Другие листки около того же времени распространены в местной воинской команде. Листки вызвали переполох; в юнкерском училище про-

извели обыск, но ничего не нашли. Теперь (в сентябре) начальник жандармского правления вызывал к себе для допроса о листах хозяина слесарной мастерской Фесслера, управляющего Неске и казаков местной команды. «Расследование» не дало никаких результатов.

Из подмосковного района. На машиностроительном заводе Струве в Коломне идут волнения рабочих; завод падает и, как говорят, с нового года вовсе закроется.

Очень ничтожны заработки на фабрике Балашева (станция Куровская). Ткачи вырабатывают не более 10 руб.

Не лучше дело и в Егорьевске, Рязанск. губ. Рабочее население, доходящее здесь до 16.000 человек, еще крайне несознательно и враждебно иногда встречает попытки пропаганды. Нет здесь никаких просветительных учреждений, масса живет в полной темноте. В апреле этого года были здесь беспорядки на Хлудовской фабрике. Причина — сокращение числа рабочих и отмена грошевой наград. К сожалению, масса не слушалась советов лучших людей своей среды, а била окна и грабила. Тем не менее, кое-какие требования были удовлетворены.

В Иркутске в 20 числах сент. распространена Иркутским Комитетом Сиб. Соц.-Демокр. Союза прокламация по поводу забастовки и демонстративного шествия красноярских рабочих. Прокламация сначала подробно излагает самое событие, а затем, пользуясь им, указывает на необходимость объединения как на ту силу, которая всегда приведет к победе как в борьбе с капиталистами хозяевами, так и в борьбе с самодержавием.

Через 4—5 дней после появления этой прокламации (замечу в скобках, что составлена она очень неудачно) местная жандармерия и полиция решили сделать и сделали нашествие.

Ночью было обыскано человек 8—10, главным образом, высланные сюда студенты. Один студент и одна старушка, тетка одного из студентов, присланная сюда из Москвы, якобы за пособничество своему племяннику, были арестованы, и, переночевав в участке, выпущены. Племянник же этой старушки, у которого предполагался обыск, по оплошности полиции, не был найден в эту ночь, ибо полиция попала совсем не в ту квартиру, где он жил. При обысках, — у одного неарестованного студента найдена была нелегальная книжка, у арестованного — кое-что списанное его рукой из нелегальных источников; у старушки же — прокламация соц.-рев. «Ко всем поданным русского царя», — «явно противоправительственного содержания», как записано в полицейском протоколе. В городе много толков об этом случае.

Результаты поездки «шефа» начинают сказываться. Из департамента полиции получена бумага, освобождающая от ссылки и гласного надзора некоторых из студентов. Каждый получающий такую амнистию рзезает рот и недоумевающе спрашивает: почему же именно меня, а не другого кого?! Повидимому, правительство, не получив от «шефа» никаких особых данных, торопится освободить просто «каждого десятого», лишь бы выказать перед встревоженным духом русских отцов и матерей свою заботливость и добросердечие и тем успокоить солидного русского обывателя. Но... из овечьей шкуры предательски торчит волчья пасть!..

Харьков. Первое мая на Паровозостроительном заводе*. С утра завод имел свою обычную физиономию. Дымились заводские трубы, стучали молота, и далеко-далеко разносился грохот станков. Глухо стучали удары клепальщиков по котлам, сливаясь в бесконечный гул, наполнявший воздух. Рабочие стали

* От редакции. Помещаем этот запоздалый рассказ о мае нынешнего года в Харькове, как содержащий некоторые неопубликованные еще подробности.

в свое время на работу, и казалось, что сегодня, как всегда, пройдет бесконечно длинный рабочий день. Но если внутри мастерских, где за станками сосредоточенно стояли рабочие, вы не могли бы узнать, что сегодня первое мая, то зато у под'езда конторы вы сразу увидели бы, что сегодняшний день — далеко не обычный заводский день. Там, в мастерских, стоял грязный, изнуренный рабочий, проклиная в душе тот гнет, который не дает ему даже отпраздновать рабочий праздник; здесь, у под'езда, собралась полиция, разодетая в блестящие мундиры, лакированные ботфорты и белые перчатки, в ожидании «бунта». На улице, сопровождаемый сыщиками завода, шнырял директор, отдавая приказания полиции и расставляя посты городских. И как мило выглядело это единение директора завода, человека самовластного, не терпящего вмешательства посторонних в заводские дела, с околоточным надзирателем! Но чего не сделает первое мая, чего не сделает страх перед силой трех тысяч рабочих!

Уже 9 час. утра. Полиция торжествует. Вот что значит полиция! Рабочие боятся и потому продолжают тянуть лямку. Но это только с одной стороны. С другой стороны, несколько жалко. Ведь если бы рабочие забунтовали, можно бы себя показать. Она ли не сумеет усмирить рабочих! Конечно, несколько боязно, но можно отличиться: получить орден, благодарности, можно угощаться на счет завода. Впрочем, они это делают сейчас же, не дожидаясь бунта. Да оно и лучше. Храбрость полиции растет пропорционально числу выпитых бутылок...

Но что за дьяволыщина! Слышатся крики, шум; бегут рабочие. До гудка еще далеко. Гудок дается в 12 час., а теперь только половина десятого. Группа рабочих с криком бросается по всем мастерским, требуя приостановки работы. «Что же, праздновать, так праздновать! Бросай, братцы!». Тут и там образуются группы рабочих. Около паровой мастерской столпились выходящие рабочие. Туда спешит заведующий этой мастерской; он спешит увещавать рабочих, но в это время шальная гайка, брошенная из толпы, попадает ему прямо в бровь и разрезает ее почти до глаза, оставляя на всю жизнь глубокий шрам. В другом уголку рабочие бьют монтера, обвиняемого в предательстве. В механической мастерской в заведующего бросают шрапнелями; он спешит убраться, но в это время встретившийся рабочий полосой железа разрезает ему кожу на верхней части черепа. В других мастерских рабочие бросаются на мастеров, но последние ускользают.

Не дремлет и полиция. Галопом несутся казаки. Широко раскрываются перед ними ворота завода, и казаки с остервенением бросаются на толпу. Как велико это остервенение! Нам кажется, что было бы оскорбительно для голодного зверя сказать, что он бросается на добычу с таким же остервенением, как казаки на толпу. Где уж там голодному волку взять такую свирепость! Лошади ржут, казаки гикают, а нагайки свистят и свистят. Рабочие бросаются врассыпную. Только часть рабочих забирается в мастерскую и, когда казаки хотят ее очистить, отстреливаются гайками. После нескольких попыток проникнуть в мастерскую, попыток, во время которых казачий офицер исчерпал все военные хитрости, предписываемые и тактикой и стратегией, казаки отступили. Результат стычки — раненая лошадь и несколько раненых казаков.

Вскоре на завод прибыла пехота и была расставлена по всему двору постами.

Часов около десяти на завод, сопровождаемый эскортом казаков, прибыл харьковский губернатор князь Оболенский. Приняв рапорт от полицмейстера и полковника, он направился во двор, где помещаются мастерские. Здесь перед небольшой кучкой рабочих он произнес речь. Вот, приблизительно, эта речь:

«Кто бунтует? Это все люди, находящиеся на содержании у иностранцев, это они мутят. Где лучше? Немцы сюда едут кормиться... Везде есть богатые и бедные. Так уж богом положено, везде... Покажите страну, где этого нет... А? Не покажете! Я могу стрелять, но не хочу стрелять, на мне крест (показывает на шею). Пойдите работать... Вы должны работать. Все должны работать... Если не пойдете, то уж придется сделать так, как требуют от меня долг и присяга».

Губернатор этой речью не ограничился и перед другой кучкой рабочих произнес вторую речь:

«Кто мутит? Это все жиды, находящиеся на откупу у иностранцев... Это они... А вы, бараны, тоже за ними. А где лучше? Немцы сюда едут кормиться... Везде есть бедные и богатые. Так уж богом положено... Я не хочу стрелять... На мне крест... Я крестьян сек, они ничего не понимают, но вы сами можете разобраться... Вам я этого не хочу делать... Вы читаете всякие прокламации. Я тоже читал и ничего не понял... Я не понял, значит, вы наверно не понимаете... Я могу стрелять, я не буду стрелять, на мне крест. Идите работать. Чего вы молчите? Я прибегну к тем мерам, которые найду нужным. Где бунтовщики?».

Вскоре, благодаря усиленным хлопотам полиции и заводской администрации, среди глубокой тишины, царившей на заводе, уныло заветались некоторые станки. После полудня на заводе работало человек 50 из трех тысяч. Через день на работу стали почти все рабочие. В ночь на первое мая и первого мая было арестовано много рабочих.

Если сравнить то, что было в 1900 г., с тем, что было в этом году, то приходится констатировать факт, что в то время, как в 1900 г. рабочие выказали полнейшее спокойствие и полную солидарность, в этом году они обнаружили излишек стремительности и полную дезорганизованность. Оно и понятно. В 1900 г., когда промышленный застой еще не чувствовался, когда, наоборот, все предвещало пышный расцвет промышленности, рабочий себя чувствовал хозяином положения. Первого мая, в 8 час. утра, завод стал, как один человек. Рабочие выставляли требования и вели себя совершенно спокойно. Не то в этом году. Заводы не дорожат рабочими. Промышленный застой заставляет заводы сокращать число рабочих, рабочая масса угнетена и физически и морально. Она не может устроить организованную стачку. Зато она вымещает свою злобу и ненависть на мастерах, монтерах и, при случае, накидывается на них, а в пылу раздражения рабочие готовы и на разрушение.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СТАЧКА АМЕРИКАНСКИХ УГЛЕКОПОВ.

22 октября пронзительные свистки нарушили мирную тишину, царившую в полях Пенсильвании в продолжение более пяти месяцев. 150.000 углекопов прекратили свой вынужденный покой и, опять отозвавшись на зов свистков, спустились в крошечный ад подземных копей. Эта только-что кончившаяся великая стачка поучительна во многих отношениях.

Когда она около пяти месяцев тому назад началась, трудно было предположить, что по своему развитию и исходу она будет чем-нибудь отличаться от многих других крупных стачек, которые так часто здесь повторяются.

Интенсивный процесс концентрации капиталов и развития трестов, расширяющий с головокружительной быстротой базис производства, хотя и увеличивает в такой же степени размеры профессиональной организации рабочих, но, вместе с тем, сильно уменьшает их шансы на успех в экономических схватках с крупными капиталистами. Последние не стесняются, обыкновенно, никакими средствами, и для них «политика» в этой борьбе так же хороша, как и «экономика».

В начале стачки директор каменноугольного треста, г. Бэр, следующим образом характеризовал ход этого рода столкновений: «Стачка, вероятно, скоро кончится, — говорит он, желая успокоить общественное мнение. — Мы найдем достаточно рабочих, чтобы работы не прекратились совершенно; тем временем стачечники, изнуренные голодом и разными лишениями, раздраженные присутствием скзбов (замещающих стачечников), начнут бунтовать. Тогда мы от правительства потребуем войск для водворения порядка. Это сломит упорство рабочих». Это

откровенное заявление г. Бэра очень характерно. Оно ясно и рельефно обнаруживает методы, к которым в таких случаях прибегают, обыкновенно, капиталисты. Но на этот раз г. Бэр ошибся. Углекопы не пожелали доставить ему удовольствие и не давали повода для кровопролития.

Милиция, правда, была вызвана, но, при всем ее старании, пресловутый порядок не нарушался, хотя углекопы упорно отстаивали свои интересы и не сдавались. Это тем более удивительно, что в этом отношении организация углекопов находится в менее благоприятных условиях, чем все другие рабочие организации.

Одно из самых главных условий ведения крупной стачки, несомненно, — организованность, солидарность и, вообще, тесная связь между рабочими, составляющими армию борцов. Создать такую связь среди углекопов до сих пор трудно удавалось. В погоне за дешевой рабочей силой и рабами, которых можно было бы с успехом противопоставить строптивым американцам, владельцы угольных копей привлекали в свои районы малокультурные элементы со всех концов земли. В результате оказалось, что большинство углекопов — иностранцы, которые в культурном отношении не только ниже американцев, не только не понимают их потребностей, привычек и обычаев, но не знают и их языка. Как тут объединить в одну сильную организацию эти разнообразнейшие элементы, когда поляки не понимают венгерцев, венгерцы — итальянцев, последние — словаков, а все вместе не понимают американцев, их вождей и организаторов? В этом, отчасти, лежала причина почти постоянных поражений, которые терпели углекопы в борьбе за лучшие условия жизни. И если теперь «союз углекопов», несмотря на такое разнообразие составляющих его элементов, одержал блестящую победу над могущественным трестом, то главная заслуга в этом по праву принадлежит президенту союза, энергичному вождю углекопов, Джону Митчелю.

Насколько можно видеть из отчета, представленного секретарем на последнем конгрессе (1901 г.) этого союза, в 1908 г. (когда Митчелль был избран президентом платящих членов организации было не более 50.000, но с 1898 г. по 1901 число это возросло до 250.000. В этот союз входят рабочие каменноугольных и антрацитовых копей. С хозяевами первых рабочие живут, сравнительно, в мире. Благодаря тому, что хозяева признают союз, рабочие в этом районе добились, сравнительно, более сносных условий как в отношении платы, так и в отношении рабочего времени. Не то в районе антрацитовых копей, лежащих, главным образом, в штате Пенсильвании. Могучий трест, владеющий почти всеми копиями, упорно не признавал организации рабочих, предпочитая вести переговоры с каждым из них в отдельности. Несмотря на более тяжелые условия труда в антрацитовых копиях, рабочие получали меньшую плату и имели более длинный рабочий день. Все старания союза добиться каких-нибудь улучшений кончились ничем. Рабочие, теряя терпение, рвались на борьбу, и, если бы не энергичное противодействие Митчеля, стачка началась бы еще в прошлом году. Но Митчелль требовал мира не для мира. Как талантливый организатор и дальновидный человек, он хотел мира, чтобы выиграть время для приготовлений к войне. Он знал силу и могущество своего противника⁴; он знал, что от него он не может ждать пощады. Когда позже состоялось решение начать борьбу, углекопы были вполне к ней готовы.

Прежде, чем начать стачку, рабочие передали свои требования владельцам копей, предлагая им предоставить обсуждение их конференции, составленной из выборных треста и союза. Капиталисты, конечно, наотрез отказались. Тогда рабочие предложили им передать решение спорного вопроса третьейскому суду. Капиталисты и этого не захотели. После этого стачка была формально объявлена.

Рабочие требовали, главным образом: введения 8-часового рабочего дня, увеличения платы на 20 процентов и точного взвешивания количества угля, доставляемого каждым углекопом. До сих пор уголь принимался в вагонах, наполненных доверху. Капиталисты, конечно, уж заботились о том, чтобы содержащегося в них угля было вдвое больше требуемых по уговору трех тонн. Требуя более точного взвешивания угля, рабочие хотели

также, чтобы при весах находились их представители, оплачиваемые из их собственной кассы, которые следили бы за тем, чтобы количество взвешиваемого угля точно регистрировалось.

Стачка с первого же момента приняла крайне решительный характер. Ни одна из сторон не проявляла склонности просить или давать пощаду. Во главе треста стоял Бэр, не только жестокий и неразборчивый в средствах эксплуататор, но и принципиальный и непримиримый враг рабочих организаций. «Божественная премудрость, — говорил он как-то раз, — снабдила капиталистов достаточными средствами, чтобы самим заботиться о своих рабочих».

Вождем рабочей армии был Джон Митчель. Еще молодой, но полный энергии и сил человек, он, по всей вероятности, будет играть очень крупную роль в эдшем рабочем движении. Сам углекоп, он испытал на себе всю тяжесть условий этого труда и лучше всякого знает нужды и потребности углекопов.

Выше было указано, как благотворно его деятельность повлияла на рост союза углекопов; но его организаторский талант и способности вождя проявились только во время описываемой стачки.

Как разумный тактик, он знал, что от решительности и быстроты первого натиска зависит, главным образом, дальнейшее развитие и, пожалуй, исход стачки; поэтому, не трата времени на дипломатические переговоры с хозяевами, не разбивая своей армии на небольшие отряды, как это делал Шеффер в стачке рабочих по обработке стали, он сразу вызвал более 100.000 рабочих на стачку, оставив лишь машинистов и рабочих при насосах. Если бы последние сразу присоединились к стачке, копи наполнились бы водой. Митчель оставил их на время, надеясь, что капиталисты сдадутся. Но они не сдавались; мало того: они разослали агентов по всей стране нанимать рабочих; они выписали тысячи частнонаемных полицейских, вооруженных с ног до головы, якобы для оберегания их собственности, но на самом деле — для оберегания скэбов и провоцирования стачечников.

Митчелю ничего другого не оставалось, как вызвать и остальных рабочих на стачку, что он немедленно и сделал.

Борьба стала разгораться все более и более. 150.000 рабочих, как грозная армия, стояли в полях Пенсильвании, решившись преодолевать и голод, и холод, и всяческие другие лишения, чтобы добиться признания своих прав и улучшения своего положения. Их противниками были только несколько магнатов, но эти магнаты обладали несметными богатствами и крупным политическим влиянием. Последние старались всякими способами дискредитировать рабочих перед общественным мнением, они распространяли ложные слухи о буйствах, грабежах, пьянстве и т. д. Чтобы внести раскол в ряды стачечников, они наводнили их лагерь «рабочими газетами», в которых поносились их вожди, но все было напрасно, и их старания ни к чему не привели.

В стачку начали вмешиваться, как это всегда бывает здесь в подобных случаях, филантропы и разные другие господа, ищущие популярности, предлагая свое посредничество. Все безуспешно. Стачка затягивалась. Углекопы начали поговаривать о генеральной стачке. Как я выше заметил, в организацию углекопов входили рабочие не только антрацитовых, но и каменноугольных копей. Стачка охватывала лишь антрацитовый район; с хозяевами других копей рабочие жили в мире. Для обсуждения вопроса о генеральной стачке углекопов был созван специальный съезд представителей всей организации. Благодаря, главным образом, настоянию Митчеля и его штаба, вопрос о генеральной стачке был решен отрицательно. Для этого были у углекопов очень серьезные основания. Лишь после продолжительной и упорной борьбы рабочим удалось заставить хозяев каменноугольных копей признать союз и заключить с ним договоры, сравнительно, очень выгодные для рабочих. Начиная теперь рабочие этого района стачку, это означало бы нарушение контракта со стороны союза, что сильно подорвало бы его авторитет в глазах капиталистов. Последние воспользовались бы этим в борьбе против организации рабочих.

Рабочие всей Америки с большим интересом и участием следили за ходом этой борьбы. Никогда раньше не проявляли они такой солидарности, как теперь. Чуть ли не во всех городах Америки организовывались комитеты из представителей разных рабочих организаций, которые собирали деньги для стачечников. Сотни тысяч долларов отсылались в их кассу. Дело углекопов стало делом всего организованного пролетариата Сев. Америки.

Чем дольше затягивалась стачка, тем больше стали чувствовать ее последствия. Несмотря на постоянные кичливые уверения директоров треста, что у них есть достаточно рабочих, чтобы доставить на рынок сколько угодно угля, нужда в нем начала сильно чувствоваться, и цена на тонну от 5 с чем-то долларов дошла до 25—30 долларов, да и за эту цену не всегда можно было достать уголь в нужном количестве. Многие торговцы угля в больших городах должны были закрыть свои склады. Много фабрик и заводов должны были прекратить производство. Положение становилось все более и более серьезным. К счастью, погода стояла теплая, но со дня на день ждали наступления холодов, а тогда возмущению и бунтам не было бы конца.

А борющиеся стороны сохраняли свои позиции и не думали об уступках.

По инициативе нескольких меров (городских голов) состоялся съезд представителей многих городов Америки для обсуждения положения, вызванного стачкой, и средств помочь ей. Характерно, что съезд этот, состоящий из самых благонамеренных граждан, солидных буржуа, очень далеких от «разрушительных» тенденций социалистов, не мог придумать ничего другого, как захват государством всех угольных копей.

Заволновались также политики всех партий и фракций. Им нужно было так или иначе выяснить свое отношение к стачке. Приближался день выборов — 4 ноября — и все понимали, что стачка будет центральным пунктом политической агитации всех партий. В виду этого положение республиканцев было особенно критическое. Их считали более всего ответственными за вызванное стачкой положение вещей не только потому, что они случайно в данный момент господствующая партия в стране, но, главным образом, потому, что они партия крупного капитала вообще и партия трестов в частности. Республиканцы прекрасно понимали, что если ими не будут приняты энергичные меры, чтобы прекратить стачку, то 4 ноября принесет им такое поражение, от которого им, быть может, впоследствии долго уж не оправиться. И вот начинается кампания политиканов.

Прежде всего, пенсильванский губернатор и пенсильванские члены конгресса стали обивать пороги магнатов треста; к ним присоединились скоро губернатор и крупные политики Нью-Йорка. Но все их конференции, переговоры и совещания ни к чему не привели — стачка и возбуждение продолжались попрежнему. Оставалось одно средство, и они решили его испробовать: уговорить президента Соед. Штатов повлиять на спорящие стороны.

Президент пригласил в Вашингтон вождей рабочих и директоров треста и обратился к ним с горячим воззванием, указывая на то, что от стачки, кроме спорящих сторон, терпит еще третий элемент — публика, в интересах которой стачка должна прекратиться. Он апеллировал к чувству патриотизма и человеколюбия капиталистов. В ответ на это г. Бэр заявил, что не капиталисты ответственны за стачку и ее последствия, а власти, которые не исполняют своих обязанностей. Они могли бы-де иметь сколько угодно рабочих и добывать сколько угодно угля, если бы в районе стачки было достаточно войска для охраны желающих работать от угроз и нападений со стороны стачечников. Митчель тут же назвал заявление Бэра полной ложью, так как солдатам некого было бы охранять, — у капиталистов нет рабочих.

Насколько сильна власть плутократии в современном государстве и насколько услужливы власти, ясно видно из следующего обстоятельства.

Казалось, что президент после такого резкого и возмутительного ответа Бэра, полного упреков ему, покажет свою власть господам капиталистам, или, во всяком случае, не будет помогать им. Но увы! — не успела конфе-

решения разойтись, как губернатор Пенсильвании вызвал всю милицию штата, и генералы, распределяя войска, отдали приказ: следить зорко, чтобы порядок не нарушался, и, где надо, стрелять и убивать. Эта мера, поразившая всех своей бессмысленностью и неожиданностью, на стачку не имела никакого влияния. Стаечники держались дружно и безукоризненно, а в копиях попрежнему все оставалось мертво и безжизненно. Митчелль был прав: Бэр, очевидно, лгал, когда говорил, что под сильной военной охраной нашлось бы достаточно углекопов, чтобы продолжать работы в копиях.

Нужда в угле тем временем все усиливалась. Все ждали от президента решительных мер, чтобы прекратить стачку.

В это время явился в Нью-Йорк Рут, правая рука президента Рузвельта, министр в его кабинете, для переговоров с П. Морганом, одним из самых крупных финансовых тузов Америки. Он имеет безграничное влияние на бирже и связан со многими крупными трестами. Все знали, что одного слова Моргана было бы достаточно, чтобы заставить магнатов угольного треста подчиниться требованию публики. О чем совещались Рут с Морганом, публике осталось неизвестным. Но результат конференции был ясен: капиталисты согласились на предложение президента — передать спорный вопрос третьей стороне.

Они пытались, правда, ограничить свободу президента в выборе суда; но Митчелль категорически заявил, что он согласится на третейский суд лишь в том случае, если президент сумеет выбрать членов суда не под диктовку капиталистов.

На это президент ему ответил, что он совершенно свободен в этом отношении, и передал ему список лиц, которых он думает пригласить. Тогда Митчелль созвал представителей углекопов, которые после непродолжительных дебатов, санкционировали действия Митчелля.

Таким образом, эта громадная стачка окончилась блестящей победой. Если даже не все требования рабочих будут удовлетворены судом, победа рабочих все-таки громадна в виду того, что капиталисты, согласившись на третейский суд, косвенно признали союз углекопов.

Крупная промышленность развивается в Америке с неимоверной быстротой. Тресты и крупные комбинации капиталистов возникают везде, овладевая одной отраслью ее за другой. Рядом и параллельно с этим происходит процесс все большего сплачивания рабочих масс. Борьба, даже стачечная, принимает все более и более характер борьбы двух классов. Почти в каждой крупной стачке затрагиваются интересы, с одной стороны, всего рабочего класса, а с другой — класса капиталистов. Каждая такая стачка не только нарушает мирное развитие экономической и политической жизни страны, но также напоминает, как подземный гул перед извержением вулкана, приближение социальной катастрофы. Буржуазные и вполне благонамеренные представители городов, застигнутые врасплох стачкой, не находят другого средства для предотвращения вызванного стачкой общественного зла, как захват государством копей — это в момент стачки углекопов. Когда рабочие по обработке стали пойдут в стачку, государству надо будет захватить в свои руки стальной трест и т. д. Но это одна сторона вопроса. С другой стороны, — рабочие в этой стачке могли ясно видеть, что государство — очень крупный фактор для решения так называемого рабочего вопроса, и еще до захвата ими различных отраслей промышленности рабочим не может быть безразлично, кто владеет государственной машиной. Сенаторы, губернаторы, сам президент бежали, волновались, но ничего не могли сделать по той простой причине, что ничего существенного и не хотели сделать. И республиканская, и демократическая партии — политические организации капиталистов. Политиканы оказались в таком беспомощном положении потому, что, с одной стороны, хотели показать рабочим, что они их друзья, но так, чтобы, с другой стороны, интересы капиталистов не пострадали.

Рабочие могут рассчитывать на государство лишь в том случае, если машина его будет в их руках.

Социалисты также не бездействовали во время стачки. Во время, как республиканские и демократические поли-

тики фиглярничали перед рабочими, притворяясь их друзьями, социалистические ораторы с большим успехом агитировали в районе стачки. Никогда еще социалистические собрания не посещались такими массами в тех местах; никогда там слова социалистов не вызывали такого энтузиазма! Насколько агитация социалистов была успешна, видно из петиции, которую филаделфийские купцы подали губернатору. Прося его, чтобы он употребил всю свою власть и влияние, чтобы прекратить стачку, они, между прочим, там говорят: «Если стачка не прекратится немедленно, следующие выборы ознаменуются таким радикализмом, подобного которому наш штат никогда еще не видел. Социалистическая партия сделалась могущественным фактором в политике нашего района».

ИЗ ПАРТИИ

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ТЕРРОР.

Следующая резолюция о терроре принята одной из соц.-дем. групп на юге России.

«По вопросу о терроре* группа, которая представила критику проекта программы „Искры“ и „Зари“, полагает, что:

«1) Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия, признавая единственным средством ниспровержения существующего в России политического строя революционную борьбу масс, тем самым исключает из своей программы-тактики террор как средство борьбы. Не устранение того или иного представителя власти, не запугивание правительства является в ее глазах средством осуществления ее политической задачи, но противопоставление силе правительства другой силы, более грозной и могучей, силы сознательных революционных масс и общественных слоев. Нигде в Зап. Европе террор не сыграл роли средства осуществления государственного переворота. Поэтому в самом появлении террора в программах русских революционеров группа видит признак слабости и невольное признание неподготовленности почвы для политического переворота. Если масса и общество подготовлены условиями исторического развития к выполнению их исторической миссии, если они выросли до понимания необходимости для них политической свободы, то они ее завоевуют; если же они не в состоянии оправдать возлагаемых на них надежд, то никакие террористические акты не могут помочь делу революции. Удачный выстрел может напугать малодушного самодержца, но не самодержавие, которое опирается на силу, слишком серьезную, чтобы его можно было вспугнуть бомбами. Сила эта кроется, главным образом, в определенном складе сознания масс. Преобразовать это сознание в его противоположность, превратить верноподданных в врагов самодержавия — вот средство борьбы с ним.

«2) Но отрицая за террором значение средства непосредственной борьбы, мы тем самым его вовсе исключаем из программы-тактики, так как побочной роли в деятельности какой бы то ни было партии он играть не может. Террор — слишком чрезвычайное средство; он, как признают сами сторонники его, „противен человеческой природе“ (см. речи Желябова, Балмашева, прокламацию „Боевой организации“ от 3 апр. 1902 г.), и поэтому применение его может быть оправдано лишь крайней необходимостью, безвыходностью и отсутствием каких-либо других мер, а это исключает возможность введения террора в программу как побочного, второстепенного средства (эксциративного, воспитательного и проч.). Кроме того, террор по самой своей сущности должен дезорганизовать всякую партию. Доступный лишь незначительному мень-

* Под террором группа понимает систематические и организованные убийства представителей правительственной власти с целью достижения партийных целей.

шинству избранных, он принижает деятельность всех остальных революционеров, так как в сравнении с героической, смелой и самоотверженной борьбой террориста, происходящей у всех на виду, всякая иная революционная деятельность представляется жалкой, мелкой и ничтожной. Это приводит к тому, что лучшие силы уходят в эту бездонную пропасть, а все остальные виды революционной работы, гораздо более важные и необходимые, постепенно падают, гложут и исчезают. Внимание всех всегда сосредоточивается на кучке борцов, водворяется атмосфера фантастических мечтаний, подрывающая энергию работников повседневной, упорной и самой главной революционной работы. После сказанного группа считает лишним критиковать самую пригодность террора для тех побочных целей, для которых он рекомендуется.

«3) Но террор защищается еще как естественная реакция против принижения человеческого достоинства, принижения, с которым революционеру приходится встречаться особенно часто в последние годы. По мнению группы, в такой постановке вопроса кроется глубокое недоразумение. Революционер, прежде всего, человек и на унижение своего достоинства и достоинства близких ему лиц отвечает, как всякий человек, т. е. согласно степени сознания своего достоинства, темпераменту и условиям момента. На истязания Сигиды карийцы отвечают самоубийством, на наказание розгами Боголюбова В. Засулич отвечает выстрелом. Могут быть самые разнообразные формы ответа, никакая партия не может вносить в свою программу пункт, обязывающий отвечать именно на всякое частное проявление насилия определенным образом, никакая организация (будь это „боевая орган.“ или „исполн. ком.“) не может взять на себя исключительную роль мстителя за поправленную личность революционера. Здесь, скажем, разделение труда и предварительный уговор противны человеческой природе; здесь мы находимся исключительно в области аффекта, не допускающего никакой регламентации.

«В виду всех приведенных соображений, группа резко и категорически высказывается против террора, признает вредными всякие попытки к возрождению его и призывает организацию „Искры“ и „Зари“ и все прочие соц.-дем. организации открыто высказаться против террора и всеми возможными средствами бороться против него»...

Прокламация Нижегородского Комитета, помеченная октябрем н. г. и посвященная назначению фон-Валя товарищем министра, заканчивается следующими словами:

«Молодой, честный, самоотверженный Леккерт не мог совладать с чувством омерзения при виде палача и явился мстителем за товарищей, решив истребить вредного, ненавистного всем человека. Кто решится осудить самоотверженного Леккерта и его праведный гнев? Но, ведь, и все русское правительство, со всеми министрами и царем во главе, вместе является жестоким палачом по отношению ко всему народу. Не лежат ли на нем тысячи преступлений и убийств, может-быть, тысячи и десятки тысяч человеческих жизней? А если так, то может ли обезвредить его уничтожение одной вредной личности? Мы убеждены, что, вместо уничтожения отдельных личностей, гораздо скорее можно обезвредить правительство, отняв силою его власть. На эту цель, товарищи, надо направить всю нашу энергию и всю самоотверженность».

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Мы, Харьковский Комитет, в качестве представителя соц.-демократической организации, главной своей задачей считаем защиту классовых интересов пролетариата; всякая деятельность в духе профессиональных, «чисто-рабочих» интересов массы, а не класса, а также в духе терроризма затемняет истинный смысл революционного движения и ослабляет его; поэтому попытки такого рода должны вызвать резкий протест с нашей стороны. Особенности нашего положения в государстве с самодержавно-бюрократическим устройством и полицейским произволом требуют, чтобы нами на первый план были выдвинуты широкие политические задачи низвержения самодержавия и провозглашения демократической республики.

Осуществление этих основных целей может быть возложено на партию, группирующую около себя всех сознательных революционеров соц.-демократов и ведущую работу по определенному, строго обдуманному плану. Необходимость такого объединения ощущается в данный момент всеми действующими группами. Практическое исполнение этого возможно только путем группировки всех единомыслящих около одного принципиально выдержанного органа, руководящего всем соц.-демократическим движением. Из этих основных посылок ясно наше отношение к органу «Искра»: и принципиальность ее позиции, ее резкая критика узкого экономизма и терроризма, ее борьба с кустарничеством, ее стремление об'единить действующие организации около широких политических задач и выработка плана для этого объединения, — все это побудило нас заявить о своей солидарности с «Искрой» по вопросам принципиальным, тактическим и организационным. — Желательно, чтобы и другие комитеты партии высказали свое отношение к «Искре», так как такое заявление способствует объединению. Заявляя о своей солидарности с «Искрой», мы всеми силами будем оказывать этому органу и его объединительным попыткам материальную и духовную поддержку.

Харьк. Ком. Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Киевским Комитетом изданы в октябре прокламации: 1) «К новобранцам» (с приложением «Солдатской памятки Толстого») и 2) «Ко всем киевским рабочим» — по поводу суда над харьковскими и полтавскими крестьянами (с приложением заявления защитников). — Кишиневской об'единенной организацией выпущена прокламация «К новобранцам» (печ.).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Петербурге 30 октября арестованы, между прочим, студенты горного инст. Гербаненко, Константов и Кострыкин, студ. унив. Прорвич (выпущ.), Н. Полянская.

Вильна. 7 октября на вокзале арестован рабочий литовец Матвей Батулайтис с 3 пудами литературы.

Москва. В сентябре арестован литератор Мамалыжский.

В Костроме в апреле были арестованы, кроме поименованных выше: заведующий статистикой Тихон Попов, статистики: Марья Александрова, Алексей Загайный (за расклейкой прокламаций), Анна Третьякова, Сем. Колокольцев (рецид.); поднадзорные: бывшие студенты Ник. Масляников и Ник. Богданов, хозяин мастерской Василий Буянов (в 7-й раз), раб. Потехин и Кирсанов (старик 70 лет), чиновн. контрольной палаты Вас. Лебедев. Алексей Загайный взят по доносу статистика Кондратьева, который был арестован для виду, но через пять дней выпущен. В августе арест. раб. Морозов, Петровский и Галочкин; в сентябре 5 семинаристов: Краснухин, Невзоров, Чудецкий (выдавал) и еще двое. При апрельском разгроме произведено 200 обысков (у статистиков Грацианского, Мушенко, Гинзбург, Сабанеева, г-жи Шредер, учителей Виноградова, Смирнова, Виленской, Грацианской, заведующей земским книжн. складом Лапотниковой, вдовы офицера Стратилатовой, продавщ. в винной лавке Сперанской, банковского чиновника Беляева, у многих учителей в уездах, в некоторых усадьбах и у многих рабочих). Провокатор (по делу 1891 г.) техник Врублевский ныне состоит шпионом при костромск. губ. жанд. упр. Приметы необнаруженного провокатора по делу Сев. Союза: высокого роста, полный, лет 30—35, блондин, серые глаза, имеет вид ученый. Явился под именем Ивана Алексеевича и выдавал себя за негального и делегата от «Южнорусск. Раб. Союза». Обращаем внимание товарищей на то, что в настоящее время этот субъект, по слухам, находится в том же северном районе.

В Таганроге 11 сентября на вокзале, по приезде харьковского поезда, арестован некто Сапетов. В ту же ночь было около 12 обысков и арестовано еще двое рабочих.

В станице Каменской в середине октября по телеграмме из Спб. был обыск у г-жи Кунделековой.

В Екатеринодаре арестованы Як. Вас. Борисов (бывш. инспектор моск. студ. школы садоводства), в Москве по тому же делу взяты ученики этой школы Ал. Никифоров, Вл. Медведков, Н. Крылов-Баранов, а пять учеников исключено.

В Воронеже арест. 12 окт. заведующий ветерин. бюро Грюнер.

Сосланы — Николай Богданов, бывш. ст. лесн. инст. в Спб. — в Вологодск. губ. на три года (по Пет. и Кост. делам).

Бежали: Доливо-Добровольский (Яросл. дело) из Оренбурга; бывш. моск. студ. Радус-Зенкович из Балаганска.

О нижегор. демонстр. по частным сведениям слышно след.: по Сормовск. делу несколько чел., признанные действовавшими сознательно, присуждены на поселение в Вост. Сиб.; по делу городских демонстрантов высшая мера наказ. — 1 год тюрьмы.

пункт в позиц. соц.-рев. (да и вашей тоже) это тот, что их «обидели» и что они могут горько «жаловаться» «на обиду» всем и каждому, даже совсем не понимающему дела, человеку.

NNN. Письмо и корреспонденции получены.

Рязань. А. С. Получено и пойдет. Пишите.

Ответ Л. Дейча на статью «Подложные грамоты» в № 12 «Рев. Росс.» в виду его размеров отложен.

Получено: из Л. в пользу бежавших 175 фр., от Х. 32 фр., за литер. 18,40 фр., с реф. Ленина 64,60, всего 290 фр. Из Женева с реф. Инсарова 39,40 фр. Из Цюриха: через Берлин из России в пользу бежавших из Киевской тюрьмы 100 р., от тов. из Линде у Берна 50 фр., из мертвого города 26 р., то же для закл. в Москве 15 р., то же для того же чер. Казанца 16 р., из Гейдельберга для Красн. Кр. 13,53 фр., из Л. от М.-ой, в пользу бежавших из Киева, 40 фр., из Нью-Йорка от гр. одесских товарищей для заключенн. в Одесской тюрьме 100 р. Из Парижа 100 фр., в Лиеже собрано 218 фр.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Уральскому Союзу соц.-дем. и соц.-рев. «Протест» получен. Ответ смотрите в №№ 26 и 27, особенно в статьях «Последнее слово обвиняемого» и «Все о том же». Мы вполне понимаем, что самый сильный

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Алексеевский Равелин — один из бастионов Петропавловской крепости в Ленинграде, в ужасных казематах которого царское правительство морило политических заключенных.

Прим. 2. Смотри № 27 «Искры», заметку на стр. 19 (85): «К 200-летию присоединения Шлиссельбурга».

Прим. 3. «Кара» — название каторжной тюрьмы в Восточной Сибири. В ноябре 1889 г. начальник карийской каторги Масюков подверг политическую каторжанку Сигиду порке розгами. Сигида отравилась, а вслед за ней отравились: Калюжная, Ковалевская, Смирницкая, Бобохов, Калюжный и др.

Прим. 4. Славянофильство — реакционное националистическое течение в среде русских помещиков-дворян, сложившееся в 30—40-х годах XIX столетия. Виднейшими представителями его в 40—50-х годах были: Хомяков, братья Киреевские, Аксаковы и др. Краеугольным камнем всей системы славянофильства было утверждение, что Россия идет в историческом процессе самобытными путями и русскому славянству суждено обновить мир, избавив его от разлагающего влияния Западной Европы, с ее преобладанием материальной культуры над духовной, с ее борьбой классов и насилием и проч. Другой основой славянофильства было православие, сохранившее якобы в чистоте основные принципы христианства. Идеализируя общественные отношения допетровской Руси, славянофильство звало к исправлению того вреда, который, по их утверждению, сделал Петр I, сблизив Россию с Западом, к восстановлению традиций московских царей, при которых существовал, по их мнению, сердечный союз власти и народа («у царя — сила власти, у народа — сила мнения»). Особенность истории России выразилась, по мнению славянофилов и в том, что русский народ, опираясь на «согласие» и «нравственный закон» в противоположность классовой борьбе, господствующей на Западе, создал общину, «союз людей, отказывающихся от эгоизма» (К. Аксаков). Славянофилы были убежденными противниками промышленного капитализма. Они отражали взгляды помещиков-крепостников, стремились лишь к такой реформе крепостного строя, которая соответствовала бы нуждам торгового капитализма середины XIX в. и сохранила бы за помещиками возможность эксплуатации крестьянской общины. После реформы 1861 г. славянофилы стали служить опорой крайней реакции и национализма.

Прим. 5. «Новое Время» — реакционная петербургская газета, основанная в 1865 г. и с 1876 г. издававшаяся под фактической редакцией А. С. Суворина, известная своим угодничеством перед царской бюрократией и погромным национализмом.

Прим. 6. «С.-Петербургские Ведомости» — старейшая русская газета. Во второй половине XIX в. и в начале XX в. она занимала умеренно-либеральную позицию.

Прим. 7. «Биржевые Ведомости» — газета, основанная Проппером в 1886 г., занимала в 90-х и начале 900-х годов беспринципную позицию, являясь отражением настроений в среде бюрократии. В конце 1905 г. «Б. В.» перешли в руки к.-д. с Милюковым, Гессеном и Струве во главе, были закрыты за напечатание Манифеста Сов. Раб. Деп. и снова вышли в свет под названием «Народная Свобода» (вышло всего 4 №). В конце декабря 1905 г. Проппер снова взял газету в свои руки и повел ее в прежнем беспринципном духе. В конце 1906 г. в эту газету хотели войти мирнообновленцы, но их попытка не увенчалась успехом, и «Б. В.» остались типичным органом желтой прессы.

Прим. 8. В подлиннике по ошибке было напечатано «предшественника».